

А. Кривошекова-Гантман

А. КРИВОШЕКОВА-ГАНТМАН

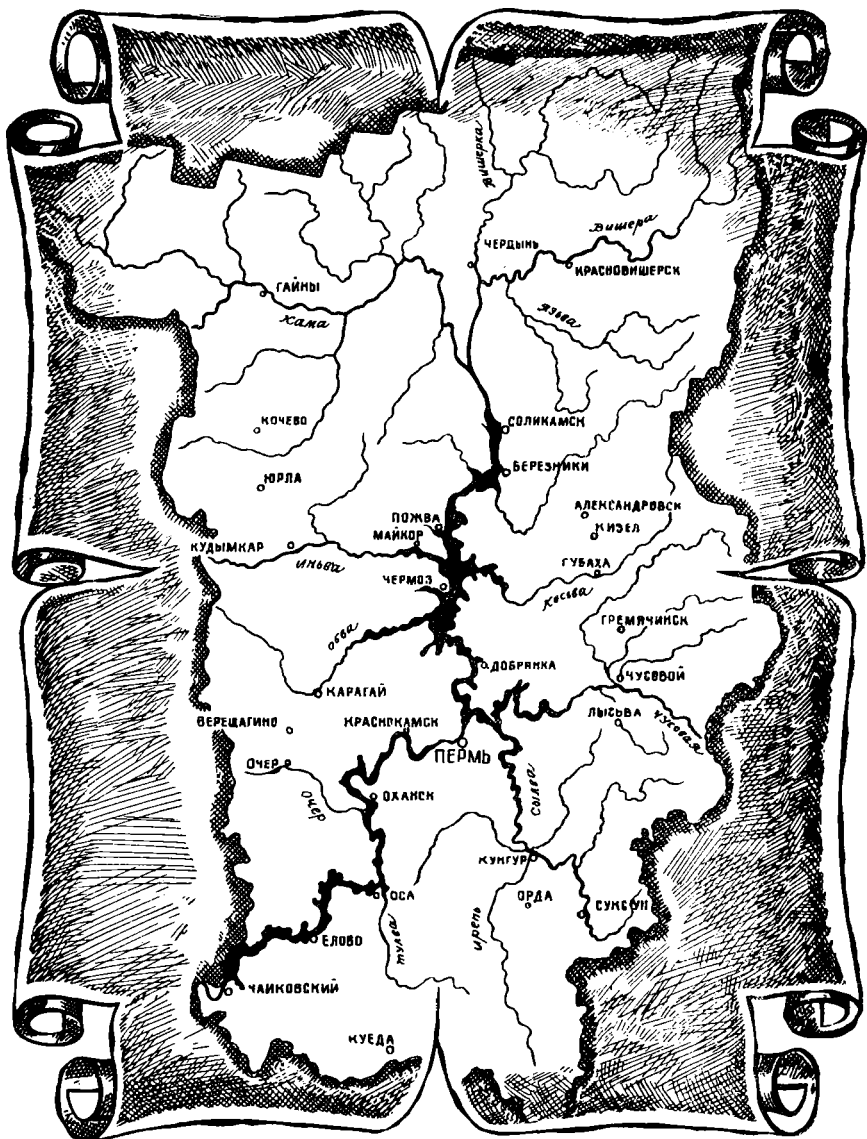
Откуда

Эти

названия?

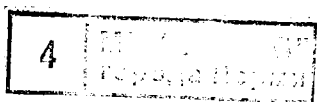
А. С. КРИВОЩЕКОВА-ГАНТМАН

Откуда

Этим

названия?

❖ ❖ ❖ ❖

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО • 1973

В книге, которую вы взяли в руки, рассказано о происхождении названий рек, озер, деревень, городов на территории Пермской области. Это первая сводная работа о географических названиях Пермской области да, пожалуй, и в целом Урала.

Написана кандидатом филологических наук доцентом А. С. Кривошековой-Гантман, которая не только обобщила накопленный материал, но и рассказала много нового, оригинального о возникновении и жизни местных названий. Имена географических объектов перестали быть достоянием только любителей. Топонимика — наука, изучающая их, — тесно связана с языкознанием, историей, археологией, географией, этнографией, фольклором. Знание законов топонимики, языков, звучавших на исследуемой территории, а также учет данных смежных наук приводят к правильному выводу о происхождении того или иного слова на карте.

Читателями книги могут стать студенты вузов, учителя средней школы, учащиеся старших классов — все, кто интересуется историей и географией местного края, а также народами и их языками.

Книга позволит совершить путешествие по увлекательному миру географических названий Пермской области и приобщиться к разгадыванию его многочисленных тайн.

Рукопись обсуждена на специальном заседании секции ономастики, фольклора и этнографии при Пермском отделе Географического общества Союза ССР и рекомендована к изданию.

любом языке немало слов, которые служат названиями географических объектов — городов, сел, деревень, рек, озер, гор. Точное количество их никем не подсчитано. Никто не может определенно сказать, сколько всего таких географических объектов. В Пермской области, например, на 1 января 1968 года насчитывалось около семи тысяч только населенных пунктов. Очевидно, и названий их примерно столько же, если не больше: ведь немало случаев, когда поселение имеет не одно, а два названия. Нередко отдельные из них обозначают не весь населенный пункт, а только часть его.

Наша область богата реками. По подсчетам пермских географов, здесь 545 рек, которые могут быть использованы для сплава леса и судоходства. Малых же рек в крае тысячи. А горы, овраги, луга, поля... и, наконец, улицы в поселках и городах. Сколько их? В областном центре несколько сот улиц.

Все эти объекты имеют названия: реки *Бродовая*, *Глубокая*, озера *Долгое*, *Карасье*, деревни *Никитино*, *Савино*, города *Чайковский*, *Верещагино* и так далее. Мы привели самые прозрачные названия. Гораздо чаще встречаются названия, похожие на привычные слова, но почему они присвоены географическим объектам, непонятно. Почему река *Глотиха*, деревня *Мочище*, а город *Гремячинск*? Немало и таких, которые не имеют ни малейшего сходства с известными словами: *Кизел*, *Чердынь*, *Ныроб*... В каком языке они родились и что обозначали до того, как стали географическими названиями? Кто может сказать, почему горы называются *Уральскими*, река — *Камой*, а город на ней — *Пермью*?

Происхождение, закономерности функционирования и развития географических названий, или топонимов, ис-

следует наука топонимика (греческое *τοπος* — место, *ονομα* — имя). Она является частью более широкой науки ономастики, изучающей собственные имена вообще.

В зависимости от того, какой географический объект обозначают топонимы, их делят на такие группы:

а) названия поселений (деревень, сел, городов). За ними последнее время начинает утверждаться термин ойконим (греческое *ойкос* — дом, строение, здание). Ойконимы теснее, чем названия природных объектов (рек, гор и других), связаны с общественными факторами. Более того, они во многих случаях прямо зависят от них. В основе ойконимов, чаще чем в основе других топонимов, — личные имена, фамилии, прозвища основателей или первопоселенцев;

б) названия водных источников, или гидронимы (греческое *гидор* — вода). В противоположность ойконимам, они более устойчивы. Названия крупных рек, например, пережили некоторые языки и говорившие на них народы. Гидронимы редко бывают образованы от имен людей;

в) названия объектов рельефа (гор, хребтов, ущелий, холмов), или оронимы (греческое *орос* — гора). Как и названия других физико-географических объектов, они отличаются долговечностью.

Топонимическая терминология по мере развития науки все более дифференцируется. Предложены, в частности, отдельные термины для обозначения таких объектов, как дороги (дромонимия), озера (лимнонимия), города (полисонимия), городские объекты и прежде всего улицы и кварталы (урбонимия)¹.

Особо следует остановиться на микротопонимии, занимающейся изучением названий малых объектов — ручьев, рощ, лугов, лесов, полей, холмов, бугров, оврагов, долин, дорог, улиц, кварталов и так далее. Микротопонимы известны только на ограниченной территории, например в одном колхозе или совхозе. Особенности мик-

 ¹ См.: Н. В. Подольская. О развитии отечественной топонимической терминологии. В сб.: «Развитие методов топонимических исследований». М., «Наука», 1970, стр. 46—55.

ротопонимии — тесная связь с характером обозначаемого предмета, описательность, непродолжительность жизни, способность служить ориентиром на местности — весьма существенны для науки². Их изучение помогает проследить процессы образования и развития топонимов³.

На территории любого колхоза или совхоза сотни микрообъектов, а значит, и в речи жителей сотни микро-топонимов. Далеко не все они зафиксированы в документах. Названия малых объектов обычно выявляют при общении с местными людьми. Так, в колхозе «Дружба» Юсьвинского района нами выявлено более трехсот названий, немногим меньше оказалось микротопонимов в колхозе имени А. А. Жданова Чердынского района.

С топонимикой тесно связаны другие разделы ономастики и прежде всего антропонимика, изучающая личные имена, прозвища, фамилии, и этнонимика — названия племен, народов, наций. В этой небольшой книге речь пойдет преимущественно о наиболее многочисленных топонимах — названиях рек и населенных пунктов.

Интерес к пермской топонимии появился давно. Ценный фактический материал имеется, например, в «Географическом и статистическом словаре Пермской губернии» Н. К. Чупина (1873) и в «Словаре географическо-статистическом Чердынского уезда...», составленном уральским географом и краеведом И. Я. Кривошековым (1914). Оба составителя собирали материалы на местах, не ограничивались только письменными источниками. И. Я. Кривошеков работал над своим трудом, как сам признавался, двадцать шесть лет. Он объездил, и неоднократно, весь уезд из конца в конец.

Объяснение топонимов не было непосредственной целью ни Н. К. Чупина, ни И. Я. Кривошекова. Но они делали подробные описания рек, гор, озер, болот и других природных объектов, одновременно объясняя, почему они названы так, а не иначе.

Конечно, в работах Н. К. Чупина и И. Я. Кривоше-

[2] ² См.: В. А. Никонов. Научное значение микротопонимии. В сб.: «Микротопонимия». М., Изд-во МГУ, 1967, стр. 5—14.

³ См.: Ю. А. Карпенко. Свойства и источники микротопонимии. Там же, стр. 15—22.

кова далеко не все может быть принято, особенно когда они сводили толкование лишь к подбору более или менее подходящего по звучанию слова из коми или другого языка. И. Я. Кривошеков, например, расшифровал гидроним *Лолог* с помощью коми-пермяцких слов *лол* — 'душа' и *ог* — 'нет' ('нет ни души'), а топоним *Зебзеево* сопоставлял со словами этого же языка *зеп* — 'карман' и *зи* — 'оса' ('оса в кармане')⁴.

Казанский профессор И. Н. Смирнов в этнографическом труде о пермяках обильно использовал материал коми гидронимии, чтобы очертить границы былого расселения предков коми. Однако он не знал этого языка, не владел приемами этимологического анализа, что послужило причиной больших неудач в его теоретических построениях.

А. Ф. Теплоухов (представитель четвертого поколения знаменитой династии Теплоуховых, внесших значительный вклад в изучение истории Прикамья) сопоставлял географические названия и фамилии, типичные для Пермского края, и сходные топонимы и антропонимы в соседних губерниях, чтобы найти ответ на вопрос «из «приходцев» каких местностей составилось в результате исторического процесса современное население Пермского края»⁵. К сожалению, выводы А. Ф. Теплоухова также требуют критического пересмотра на основе новейших данных археологии и языкознания.

Большое значение для топонимиста-исследователя имеют работы В. Н. Шишонко⁶. Врач по специальности, он был страстным любителем пермской старины и оставил огромный материал по местной топонимии, в том числе по исторической микротопонимии.

В годы советской власти созданы исключительно благоприятные условия для развития всех наук. Выделилась в самостоятельную науку и топонимика, сделавшая осо-

 ⁴ См.: И. Я. Кривошеков. Словарь географически-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914, стр. 375, 500—501.

⁵ А. Ф. Теплоухов. Фамилии и географические названия Пермского края в этнографическом и историко-географическом отношении. «Коми му», 1925, № 9 (19), стр. 34.

⁶ См.: В. Н. Шишонко. Пермская летопись I—V периоды. Пермь, 1882—1889.

бенно большие успехи в 60—70-е годы. Значительный вклад в отечественную науку о географических названиях внесли А. И. Попов, А. П. Дульзон, Э. М. Мурзаев, В. А. Никонов, Б. А. Серебренников, А. К. Матвеев⁷ и другие ученые. Они воспитали целую плеяду молодых топонимистов, плодотворно исследующих местные названия различных регионов (районов).

К сожалению, исследование топонимии Пермской области в целом значительно отстает от изучения ее в таких районах, как Украина, Белоруссия, Кавказ, Сибирь, Поволжье, Север европейской части СССР, Средняя Азия⁸. Нельзя сказать, что у нас ничего не делается. При Пермском отделе Географического общества Союза ССР работает секция ономастики, фольклора и этнографии. Силами ее членов в 1968 году выпущен первый сборник «Географические названия Прикамья». Готовится к изданию второй. Статьи по топонимии Пермской области опубликованы в сборниках, изданных в Ленинграде, Москве, Ульяновске, Горьком, Ужгороде. Однако это только начало. По материалам области нет монографических исследований топонимических пластов, нет топонимического словаря, крайне слабо и разобщенно ведется работа по собиранию топонимического материала.

А между тем имена на карте привлекают внимание все большего круга людей. Учителя, студенты, школьники, люди разных специальностей хотят знать, какой смысл скрывается в названиях наших городов, сел, рек,

 ⁷ См.: А. И. Попов. Географические названия. М. — Л., «Наука», 1965; А. П. Дульзон. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения. «Вопросы языкознания», 1959, № 4; Э. и В. Мурзаевы. Словарь местных географических терминов. М., Географгиз, 1959; В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., «Наука», 1965; он же. Краткий топонимический словарь. М., «Мысль», 1966; Б. А. Серебренников. Волго-Окская топонимика на территории европейской части СССР. «Вопросы языкознания», 1955, № 6; А. К. Матвеев. Топонимические типы Верхнего и Среднего Прикамья. Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2. М., ИА АН СССР, 1961.

⁸ Границы топонимических регионов примерно соответствуют археологическим областям, поэтому в книге использованы принятые в археологии названия: Верхнее Прикамье (район родановской культурной общности), Среднее и Нижнее Прикамье, Север европейской части СССР и так далее.

озер, гор, лугов, полей. В поисках объяснений они нередко принимают за истину легенды и гипотезы, возникшие без всякого научного анализа. Объясняли же, например, название *Урал*, как 'страна, куда ходят за белками'; название *Вишера*, по одной версии, произошло от коми слова *войшöра* — 'полуночица', а по другой — от мансийского *вичура* — 'пять белок'; *Губдор* переводили как 'сторона мошек'; *Койва* — 'птичья вода'; *Пожва* — 'решето-вода'; *Ловва* — 'селезенка-вода'; название *Ижма* объясняли с помощью коми слова *ыжма* — 'будит, пробуждает'; *Сысола* — 'соленая вода'; *Шаква* — 'грибная вода'; *Яйва* — 'мясная вода'... Не хватало только молочных рек с кисельными берегами! Впрочем, название *Елга* иногда переводили как 'молочная река' (*йöл* в языке коми — 'молоко'). Таких объяснений в различных изданиях немало. Некоторые из них попали даже в солидные работы, не получив до сих пор должной оценки. М. С. Боднарский, например, делает попытку объяснить гидроним *Обь* с помощью коми слова *об* — 'тетка, бабушка'. На каком основании? А на таком: раз говорят «матушка-Волга», то почему нельзя допустить «тетушка-Обь» или «бабушка-Обь»⁹.

Географические названия — не только предмет любопытства. Это серьезная информация для многих наук и, прежде всего, для истории местного края, истории звучавших здесь некогда языков. В Пермской области сравнительно неплохо поставлена работа по охране памятников истории и культуры. Но к сожалению, мало кто задумывается над тем, что не меньшей ценностью, чем древние поселения, городища, могильники, места исторических событий, обладают их названия, кратко, но точно характеризующие эти памятники.

Вот один весьма поучительный пример. Ученые города Томска под руководством лауреата Государственной премии А. П. Дульзона собрали в Западной Сибири около ста шестидесяти тысяч географических названий. С помощью живых языков, при учете звукосоответствий и других приемов многие названия были расшифрованы. «Заговорив», они помогли стереть многие белые пятна в истории Сибири. Более того, на основе топонимического

 ⁹ См.: М. С. Боднарский. Словарь географических названий. М., Учпедгиз, 1958, стр. 234.

материала был поставлен вопрос о возможности родства населения трех континентов Земли: Азии, Европы и Америки.

Не исключено, что некоторые из названий Пермской области также несут в себе очень ценную информацию для науки. Эти «говорящие памятники» находятся не где-нибудь за семью замками, а рядом с нами. Мы их слышим и употребляем ежедневно.

Добыть названия несравненно проще, чем археологам отыскать памятники материальной культуры живших когда-то народов. Но, к сожалению, некоторые историки, географы и даже языковеды-диалектологи, будучи в экспедициях, нередко проходят мимо топонимического материала.

Эта книга призвана ввести читателя в мир географических названий Пермской области. Прочитав ее, учитель средней школы, студент, краевед-любитель получают представление о степени изученности топонимии Пермского региона, во многом специфичной. Подосновой, на которую стал накладываться позднейший русский пласт, в значительной степени явилась древняя пермская топонимия. Она длительное время взаимодействовала с разными языковыми пластами (угорским, тюркским и другими). Эта особенность и дала право выделить в топонимии особый регион, тесно связанный с Прикамьем и Уралом вообще.

Книга не требует от читателя больших специальных знаний сверх того, что дает общеобразовательная средняя школа. Он найдет здесь сведения о том, какие народы участвовали в создании географических названий Пермской области, какие приметы имеют топонимические пласты по языковой принадлежности, как эти пласты взаимодействовали, как добраться до истоков географических названий и какие «подводные рифы» могут встретить исследователи на этом пути. В книге содержатся также сведения из истории многих, особенно до-русских, названий (*Кама, Пермь, Чусовая, Чердынь, Чёрмоз*). Общие вопросы теории топонимики в книге затронуты лишь в той степени, в какой это нужно для раскрытия поставленных проблем.

Не все вопросы топонимии Пермской области получили обстоятельное освещение. В этом сказалась степень изученности проблем.

Пользуясь случаем, автор приносит благодарность всем, кто принимал участие в улучшении рукописи, и прежде всего, кандидату исторических наук доценту Пермского университета В. А. Оборину, кандидату филологических наук доценту Пермского университета Е.Н.Поляковой, кандидату географических наук доценту Пермского университета Н. И. Нешатаеву, кандидату филологических наук доценту Пермского педагогического института И. В. Зырянову, старшему преподавателю Пермского университета Ю. А. Полякову, старшему преподавателю Пермского педагогического института К. Н. Прокошевой.

КАК ВОЗНИКАЮТ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ?

озничают ли географические названия случайно или образование топонимов подчинено каким-то закономерностям? Имеется ли данная от природы связь, скажем, между словом *Пермь* и самим городом?

Наука о языке, в недрах которой зародилась топонимика, учит, что любой предмет, в том числе и географический объект, получает наименование по тому или иному признаку. В одних случаях этот признак прозрачен, и тогда название более или менее ясно. Так, *Соликамск* связан с месторождением солей и происходит из древнейшей формы *Соль Камская*. Названия *Нижняя Старица*, *Верхняя Старица* (Гайнский район) говорят о том, что эти озера образовались на месте старого русла Камы — старицы.

Но далеко не все топонимы объясняются так просто. Иногда само название понятно, а связь его с объектом требует разъяснения. Отвесную каменную скалу на правом берегу Вишеры называли *Говорливым Камнем*. Почему камень, и вдруг говорливый? Оказывается, он обладает удивительным эхом, «благодаря которому слышны не только сказанные на реке слова, но и различные оттенки звука», — разъясняет И. Я. Кривошеков. Предельно точно и полно передал эту особенность скалы на Вишере замечательный популяризатор лингвистических знаний писатель Л. Успенский: «Стоит раздаться малейшему звуку — удару весла, плеску, голосу — тысячи отгулов поднимаются над рекой, мечутся, сталкиваются, нарастают, как лавина, убегают за излучины берега, возвращаются обратно, перекликаясь и повторяя друг друга, точно в расселинах и деревьях спряталась целая толпа, целая ватага наблюдающих за вами взволнованных людей...»¹⁰.

¹⁰ Л. В. Успенский. Имя дома твоего. Л., «Детская литература», 1967, стр. 262—263.

Озеро в районе истоков реки Межевой Утки, притока Чусовой, носит название *Бездонное*. В каком смысле бездонное? Инженер-гидролог В. Головка подтверждает, что озеро действительно очень глубокое. Местные жители не раз пытались измерить его глубину, но так и не достигли дна. Вот и назвали его *Бездонным*¹¹.

Бывает и так, что название не вызывает в сознании никакой связи с тем или иным признаком объекта. Иначе говоря, оно ничем не мотивировано. В таких случаях перед нами слово, или вышедшее из живого употребления, или заимствованное из другого языка. Устаревшие слова нередко продолжают жить в диалектах и говорах: например, топоним *Бульчи* объясняется с помощью диалектного *бульч*, то есть 'хитрый, упрямый человек'; *Бурьги* (*бурьга*) — 'ухаб, рытвина'; *Кокоры* (*кокорь*) — 'скуповатый, бережливый человек'. К заимствованным топонимам требуется особое внимание. Для их расшифровки необходимо знать языки, действительно или предположительно существовавшие на данной территории.

Исследованием происхождения немотивированных названий, в том числе и топонимов, занимается специальная наука — **этимология** (греческое *этимос* означает истинное значение слова, *логос* — наука). Этимологией называют и само происхождение слова (топонима). Научная работа по установлению этимологии (происхождения) слов (топонимов) называется **этимологическим анализом**, или **этимологизированием**.

Таким образом, в основе топонимов всегда лежит тот или иной признак. Случайных, ничего не выражающих названий не бывает. На определенный признак указывают такие названия, как *Погост*, *Починок*, *Хутор*, *Архангельское*, *Вознесенское*, *Богородское*, *Клопы*, *Тараканы*. Могут ли возникнуть подобные названия теперь? Назовут ли наши современники новый поселок *Валериха*, *Альбертиха*, *Эдуардичи*, *Юрята*, *Андрьята*? Нет! Подобные топонимы для нашего времени не типичны, хотя слова, легшие в их основу, не имеют оттенка устарелости. Чем это объясняется?

 ¹¹ См.: В. Головка. Межевая Утка. «Уральский следопыт», 1972, № 9, стр. 78.

Любой географический объект обладает не одним, а несколькими признаками, отличающими его от других. Местность может иметь своеобразную форму, особенности в растительном и животном мире, необычное расположение. Она может отличаться принадлежностью, своим отношением к историческим событиям. В названии находит отражение лишь одна из особенностей, и именно та, которая в конкретный исторический момент оказывается главной. Народ — творец названий — видит объект сквозь призму своего времени, исходя из своих практических интересов.

Если рассматривать географические названия с точки зрения времени возникновения, то можно «расставить» их на определенные ступени, создать классификацию по исторической обусловленности. При всей своей несоввершенности она помогла бы выявить, что у значительной части названий определенная окраска — колорит соответствующей эпохи. По поводу именно этой особенности названий В. А. Никонов пишет: «Местность, которая вчера называлась *Верблюжьи колючки* или *Одинокая могила*, завтра станет *Долина нефти*. Выбор признака зависит не от географической среды, а всегда только от причин, лежащих в развитии общества»¹².

На территории Пермской области представлены названия разных эпох. Здесь можно встретить возникшие на наших глазах *Краснокамск*, *Чайковский*, *Горнозаводск*, *Ленинск*, *Первомайск*, *Юбилейный*, *Октябрьский*. С ними рядом живут древнейшие, не всегда принадлежащие одному языку-источнику.

□¹² В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., «Наука», 1965, стр. 26.

КАКИЕ НАРОДЫ БЫЛИ ТВОРЦАМИ ТОПОНИМИИ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ?

еловек в Прикамье появился очень давно. Археологические памятники, обнаруженные в 1939 году (находка М. В. Талицкого в Пещерном Логу на правом берегу Чусовой), по мнению ученых, относятся к раннему палеолиту. В эпоху позднего палеолита (40—15 тысяч лет до нашей эры) человек расселился уже по всему бассейну Камы (стоянки имени Талицкого на реке Чусовой и Демидковская у Полазны). Он проник также на северный Урал и Печору (стоянки Бызовая и Медвежья Пещера)¹³.

В далекие времена, в том числе и в эпоху мезолита, или среднекаменного века (15—6 тысяч лет до нашей эры), люди занимались главным образом охотой. В поисках добычи они постоянно переходили на новые места, что мешало возникновению устойчивых связей между словами и географическими объектами. Возможно, конечно, что люди присваивали объектам какие-то названия, но со сменой места забывали их. Преемственность в названиях могла возникнуть много позднее, когда человек перешел к оседлому образу жизни.

В V—III тысячелетиях до нашей эры, в эпоху неолита (новокаменный век), на территории нынешней Пермской области уже было оседлое население. Очень редкие поселения находились обычно на краях невысоких речных террас, поблизости от водоемов. Отдельные человеческие коллективы, жившие замкнутым мирком, именовали окружающие объекты простыми нарицательными словами (*земля, вода, река, озеро, гора, дом*).

¹³ См.: О. Н. Бадер и В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, Кн. изд-во, 1958, стр. 23; В. А. Оборин. О происхождении коми-пермяков. В сб.: «Наш край». Вып. 2. Пермь, Кн. изд-во, 1966; А. Х. Халиков. Этническая принадлежность племен ананьинской общности. В сб.: «Вопросы финно-угроведения». Вып. 5. Йошкар-Ола, 1969.

По мере установления связей с другими группами оседлого населения названия получали различительные определения: «такая-то река», «такая-то земля», «такая-то вода», «такая-то гора», «такое-то озеро». Одноструктурные топонимы стали различать по названиям родов, их тотемов¹⁴ или больших семейно-родовых групп. Предполагают, что древнейшие названия нередко носили описательный или ocasionальный (связанный с каким-либо случаем) характер. Вроде современных коми топонимов: *Ош вийём шор* — 'ручей, где был убит медведь'; *Мой-кар* — 'укрепленное место родовой группы' (*мой* — 'бобр'); *Камдор* — 'место у Камы'.

В III—II тысячелетиях до нашей эры население Прикамья мало отличалось от племен, обитавших на Вятке, Ветлуге, верхней и средней Волге, нижней Оке. Вся эта территория была занята волосовско-турбинской культурной общностью. Ученые с определенностью говорят о принадлежности диалектов волосовско-турбинских племен к финно-угорской семье языков, в которую из современных входят прибалтийские (финский, эстонский, карельский, вепсский), волжские (мордовские — эрзя и мокша — языки, марийские — луговой и горный), пермские (удмуртский, коми-зырянский, коми-пермяцкий), угорские (венгерский, мансийский и хантыйский). Отсюда следует, что древнейшие топонимы, из которых дошла какая-то часть, могли быть созданы финно-уграми.

К древнефинно-угорскому пласту мы относим прежде всего названия, в которых представлено слово со значением 'вода, река'. Большинство ученых считает гидроним *Ока* финно-угорским. Очевидно, он родствен общепинно-угорскому *joke* — 'река', унаследованному многими финно-угорскими языками (в финском — *joki*, в эрзя-мордовском — *Йов*, приток Мокши, в венгерском — *jo*, в марийском — *йогы*, в хантыйском — *йыгей*). Кроме того, к древнефинно-угорскому пласту могут быть отнесены слова или их сочетания со значением «такая-то земля», «такое-то племя», «такая-то вода или река». Например, топоним *Муром* (город на Оке), по распространенному мнению, связан с названием исчезнувшего племени *мурома*, говорившего на каком-то финно-угорском языке-

 ¹⁴ Тотем (животное, растение или предмет неживой природы) являлся объектом религиозного почитания в родовой группе.

диалекте. Топонимы такого типа, по-видимому, функционировали еще в эпоху, когда основным занятием человека были охота и рыбная ловля, и ему нужно было разграничить лишь самые важные объекты — территорию рода, племени, воду и земельные участки.

Первые топонимы возникали всюду так. Не случайно, что наиболее крупные реки мира, бассейны которых населяли древние люди, носят названия, в основе которых признак — 'вода, река, течение'. Вполне логично предположить существование рядом с такими гидронимами и топонимов со значением «такая-то земля». Названия подобной структуры знают многие языки мира, например германские. Общефинно-угорский корень со значением «земля, участок земли» сохранился почти во всех финно-угорских языках: в финском — *maa*, в мансийском — *ма*, в удмуртском, коми и, следовательно, общепермском — *му*, которое восходит к более древнему *ма*. С этим словом древние люди создавали названия для своих родоплеменных территорий. Слова, устойчиво привязанные к конкретной местности, превращались в собственные имена, топонимы. Впоследствии названия на *-ма* могли быть перенесены и на протекавшую по данной местности реку.

Одноструктурные названия возникали и в более поздние времена. Исследовательница топонимии бассейна реки Пинеги Г. Я. Сими́на приводит интересный материал, свидетельствующий о том, что в Пинежье большинство немотивированных с точки зрения русского языка топонимов на *-ма* до сих пор служит названием пожни, урочища, деревни. А гидронимы на *-ма* (обычно названия ручьев и малых лесных речек), если и встречаются, то, по ее мнению, они явно вторичны, то есть даны позднее по имени местности¹⁵. Добавим к этому, что первые части некоторых из таких названий, встречающихся в бассейне Северной Двины, обнаруживают явные связи с дохристианскими именами коми. Сравните: *Унежма* — *Унег* (от него фамилия *Унегов*), *Колежма* — *Колег* (от него фамилия *Колегов*)¹⁶.

□¹⁵ См.: Г. Я. Сими́на. Дославянская топонимия Пинежья. В сб.: «Географические названия». М., Географгиз, 1962, стр. 93—94.

¹⁶ См.: А. Ф. Теплоухов. Фамилии и географические названия Пермского края в этнографическом и историко-географическом отношении. «Коми му» (Усть-Сысольск), 1925, № 12, стр. 15.

В эпоху раннего железа (первая половина I тысячелетия до нашей эры) на базе турбинской археологической культуры¹⁷ в Прикамье сложилась ананьинская культура (VII—III века до нашей эры). Название ей присвоено по могильнику вблизи села Ананьино около Елабуги. Ананьинцы имели постоянные поселения — городища (кары), которые воздвигали на высоких местах, обычно на берегах рек. Эти городища служили убежищами на случай опасности, а вокруг них были неукрепленные селища. Ананьинцы торговали с народами Кавказа и Средней Азии. По материалам языков пермской группы установлено, что существовали тесные торговые связи и со скифами. Основными отраслями хозяйства ананьинских племен были подсечно-огневое мотыжное земледелие и скотоводство¹⁸. В поисках новых земель под посевы и для пастбы скота ананьинцы продвинулись до глухих лесов и водоразделов рек. У племен по мере их расселения и расширения поля деятельности появилась потребность в разграничении естественных объектов по их назначению и роли: водоем, пашня, луг, лес, выгон и так далее. Стали появляться наименования для обозначения участков земель.

Ананьинцы общались на диалектах общепермского языка, представлявшего собой отколовшуюся ветвь финской группы финно-угорской семьи языков. С этого времени можно с достаточной достоверностью говорить о языковой принадлежности географических названий Прикамья.

В первой половине I тысячелетия нашей эры пермское единство начало распадаться. Стали складываться удмуртская и коми общности. Удмуртский язык получил распространение в Среднем и Нижнем Прикамье, на правом берегу Камы, между Сарапулом и устьем Вятки, и

[17] Термин *археологическая культура* понимается в значении большая группа одновременных археологических памятников, расположенных на общей территории и имеющих общие черты (тип жилища, форма и орнамент глиняной посуды, характерные орудия труда, украшения), оставленных этнически единой группой населения (племенем, союзом племен) на определенном этапе социально-экономического развития.

¹⁸ См.: Ю. А. Поляков. Археологические памятники. В кн.: «Памятники истории и культуры Пермской области». Пермь, Кн. изд-во, 1971.

в нижнем течении Вятки; коми язык — на территории Верхнего Прикамья. Здесь на базе гляденовской культуры из местных ананьинских племен начало формироваться ломоватовское население (III—VIII века нашей эры).

Толчком к возникновению ломоватовской культуры послужило проникновение в Верхнее Прикамье в IV веке скотоводческого населения с юго-востока, которое впоследствии смешалось с местным.

На смену ломоватовской культуре пришла родановская (IX—XV века). Она принадлежала уже непосредственным предкам современных коми-пермяков. Границы родановской общности были несколько шире, чем территория, которую занимает Коми-Пермяцкий национальный округ в наше время. По данным археологии, северная граница родановских поселений доходила до озера Чусовского, западная — до верхнего течения Южной Кельтмы и Лупьи, восточная — до верхнего течения Колвы и среднего течения Вишеры; на юге родановскими поселениями было занято нижнее течение Чусовой¹⁹. Материалы топонимии позволяют несколько уточнить эти сведения. Южная граница древних коми-пермяков, по-видимому, включала значительную территорию современных Очерского, Чусовского и Лысьвенского районов. Коми топонимы с прозрачной этимологией встречаются и южнее. Но они, как нам представляется, возможно, восходят к более древним эпохам — гляденовской и ломоватовской культурам.

Таким образом, общие предки удмуртов и коми — древнейшее достоверное население нашей области. В. А. Оборин пишет по этому поводу: «...можно твердо прийти к выводу о том, что население, оставившее памятники родановской культуры, принадлежность которых предкам коми-пермяков уже доказана, было потомками населения, оставившего на той же в основном территории памятники ломоватовской культуры. В материальной культуре прослеживаются и более далекие традиции ананьинской и гляденовской культур. Все говорит в поль-

□¹⁹ См.: В. А. Оборин и Л. А. Балашенко. Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья. Труды Камской археологической экспедиции. Уч. зап. ПГУ. Пермь, Изд-во ПГУ, 1968, стр. 33—34.

зу автохтонного происхождения племен родановской культуры»²⁰.

Конечно, было бы неверно представлять, что развитие родановской культуры из ананьинской проходило прямолинейно, без иных этнических включений. Население Прикамья неоднократно пополнялось разноязычными пришельцами с юга и востока. Как показали работы археологов последних лет, в IV веке в Среднем и Верхнем Прикамье из районов Южного Приуралья появились скотоводческие племена, родственные древним угорским племенам лесного Зауралья. Они осели среди местного населения разбросанными островками. Племена пришельцев постепенно растворились в прапермском населении, но следы их остались на пермском топонимическом фоне в виде отдельных сгущений тюрко-угорских названий.

В Прикамье неоднократно попадали тюркские кочевники из Западной Сибири, а после падения Казанского ханства — и волжские татары. С XII века бассейн Камы начали заселять русские, особенно интенсивно этот процесс проходил с XVI—XVII веков.

Формирование топонимии Пермской области неразрывно связано с историей края. Этнические смешения вызвали взаимодействие топонимических систем. Приспособление названий предшествовавшего народа к языку пришельцев проходило не везде равномерно и последовательно. В одних случаях названия заменяли новыми, в других — буквально переводили. Чаще всего унаследованные топонимы включали в топонимическую систему нового языка с помощью того или иного грамматического средства. Все это в какой-то степени разрушало топонимические фоны нижних пластов.

На территории Пермской области можно выделить четыре основных языковых источника названий: 1) пермский (коми-пермяцкий, коми-зырянский и удмуртский); 2) угорский (мансийский, хантыйский); 3) тюркский (болгарский, башкирский, татарский, западносибирско-тюркский); 4) русский.

Перейдем к рассмотрению топонимических пластов по их принадлежности к тому или иному языку.

 ²⁰ В. А. Оборин. О происхождении коми-пермяков. В сб.: «Наш край». Вып. 2. Пермь, Кни. изд-во, 1966, стр. 59.

ворцами пермских топонимов были общие предки современных удмуртов, коми-зырян и коми-пермяков. Они общались на диалектах общепермского языка-основы. Общепермяне занимали почти всю территорию Прикамья и бассейн Вятки. Об-

щепермская эпоха, по данным археологии, длилась около двух тысяч лет.

В начале периода общепермяне жили небольшими обособленными группами по Каме, Вятке, Печоре, Вычегде, Сухоне, Ветлуге и другим рекам. Территориальные группы были отделены друг от друга значительными необжитыми пространствами. Впоследствии началось сближение отдельных племен, и в районах с благоприятными природно-климатическими условиями стали складываться племенные союзы. В Прикамье, по мнению В. Ф. Геннинга, образовалось четыре таких союза: пьяноборский (в устье реки Белой), уфимский (в среднем течении Белой), осинский (в устье Тулвы) и гляденовский (в устье Чусовой) ²¹.

В общепермскую эпоху уже были названы основные географические объекты: главные реки и озера, а также территории некоторых племен, места охоты и рыбной ловли, пастбища, земельные участки. В позднепермскую эпоху названия были присвоены, видимо, и притокам больших рек, а может быть, и притокам этих притоков.

На базе общепермских топонимов были выработаны коми-пермяцкий, коми-зырянский и удмуртский топонимические пласты.

 ²¹ См.: В. Ф. Геннинг. Этногенез удмуртов по данным археологии. В сб.: «Вопросы финно-угорского языкознания». Ижевск, 1967, стр. 272—273.

НАЗВАНИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Под коми-пермяцкими принято понимать все названия, которые создали коми-пермяки и их далекие предки, — финно-угорский, общепермский и общекоми фонды на территории Верхнего Прикамья, а также собственно коми-пермяцкие топонимы, созданные в эпоху родановской общности. Но общепермские и другие более древние названия являются в то же время принадлежностью удмуртской и коми (Коми АССР) топонимии.

Коми-пермяки и их предки создали в Прикамье мощный слой географических названий, ареал которых значительно больше территории нынешнего Коми-Пермяцкого национального округа.

Коми-пермяцкие названия Прикамья давно привлекали внимание исследователей. Мы уже упоминали о работах Н. К. Чупина, И. Я. Кривошекова, И. Н. Смирнова. Анализировать коми-пермяцкие топонимы пытались многие, в их числе лесничий Иньвенской дачи вотчины Строгановых Н. А. Рогов, известный финно-угровед и историк XIX века А. И. Шёгрэн и другие. В небольшой книге нет возможности дать подробную историографию коми-пермяцкой топонимии.

Этимологизирование коми-пермяцких (как и других) топонимов не всегда приводит к окончательному решению, так как они претерпели множество изменений, нередко даже утратили родственные связи с нарицательными словами, которые могли бы пролить свет на их первоначальное значение. Во всех случаях, не до конца ясных, в книге при коми названии приведены слова, с которыми оно могло быть связано по происхождению. Читатель должен понять, что для установления истинного значения топонима возможно несколько путей этимологизирования. Признание спорности происхождения топонима все же лучше, чем предложение какого-либо скоропелого вывода.

НАЗВАНИЯ РЕК. По грамматической структуре гидронимы коми-пермяцкого происхождения можно разделить на две группы. Одни представляют основу имени существительного, нередко совпадающую с корнем, не осложненным формальными средствами. По значению

это могут быть дохристианское имя или географический термин. Такие названия разбросаны по северу Пермской области, а за ее пределами — в Коми АССР, Удмуртии, реже — на востоке Кировской и западе Свердловской областей. Это позволяет думать, что многие из них являются общепермскими. Другие представляют собой сложные слова. Например: *Косьва* — 'порог-вода' (в смысле 'порожистая вода'), *Сёйва* — 'глина-вода' (или 'глинистая вода'), *Паськытшор* — 'широкий ручей'.

Чаще встречаются гидронимы в виде сложных слов. Это обусловлено особенностями грамматического строя коми языка. Словосложение, возникшее в большинстве случаев на базе словосочетания, играет в нем важную роль. В сложных гидронимах, как и в обычных словах, нет соединительного гласного. Части слова просто представляют друг к другу. Поэтому и трудно порой отличить сложное слово от словосочетания. При стягивании двух слов в сложный гидроним значение второго компонента изменяется, он превращается как бы в имя-формант. Например, *Сюзьва* — буквальный перевод 'филин-вода', или река 'Филиновка'. Слово *Сюзь* (*Филин*) здесь прозвище: *Ласьва* — 'ровный, низинный луг-вода' (в значении 'река, протекающая по низинному ровному лугу'). Имя-формант отличается от обычного топонимического суффикса тем, что выполняет две функции. В самостоятельном виде оно представляет нарицательное имя (*ва* — 'вода, река'; *ю* — 'река, речка'; *шор* — 'ручей'; *өр* — 'русло реки'; *вож*, *чер*, *сер* — 'приток'; *ты* — 'озеро') или гидроним (*Вож*, *Чер*, *Сер*). В составе же гидронима ему присуща и новая роль — форманта. При этом слово не прерывает окончательно с обозначением типа географического объекта. В связи с такими явлениями в коми топонимии мы и предложили термин *имя-формант*.

К гидронимам, не имеющим топонимического суффикса, относятся, например, следующие.

Воч. В коми языке *водж* означает 'запруда в реке'; *Ик* (*Ык*²²). Значение затемнено. Можно лишь предполагать возможность башкирской переработки пермского *юг* — 'река'. На юге Пермской области, по границе с

 ²² Здесь и далее в скобках указано коми-пермяцкое произношение.

ареалом башкирского гидронима *Ик* имеется несколько названий *Юг*, в том числе притоков Турки и Быстрого Таныпа. Гидроним *Ик*, надо полагать, принесли в Верхнее Прикамье башкиры, вернувшие пермякам их географический термин, только, разумеется, в тюркизированной форме; *Кадь*. В общепермском *кад* означало 'топь, зыбун, трясина'; *Көдз*. В коми *көдз* — 'гравий, мелкая галька', а *көдж* — 'хобот, изгиб, лука, излучина, остров'; *Лочь*. В языке коми *лоч* означало 'силок, ловушка для рябчиков'; *Неч*. В коми-зырянском *нөдз* — 'овраг, ложбина'; *Няр*. В выском говоре этого языка *няр* — 'голое место' (в мансийском — 'болото'); *Ручь*. В языке коми *руч* означает 'лиса' (гидроним связан с нарицательным, очевидно, через антропоним); *Тыпыл*. В коми-пермяцком *тыпыл* — 'карась'; *Чөж*. В некоторых коми говорах *чөж* — 'дикая утка'; *Чер*. В вычегодских говорах коми языка *чер* означал 'приток'; *Чир*. В коми-зырянских говорах *чир* — 'тонкий ленок на реке или на снегу'. В русских говорах *чир* — 'зимний путь'. Кроме того, *чир* может быть и видоизмененным *сир* — 'шука'.

Очень сложно происхождение гидронимов, снабженных вторым компонентом *-я*. Официальные названия на *-я* в настоящее время локализуются преимущественно на севере Прикамья (*Унья*, *Гадья*, *Шудья*, *Инья*, *Мысья*, *Расья*, *Сардья* в Чердынском районе: *Лупья*, *Ворья*, *Парья*, *Бадья*, *Чикирья*, *Кулемья* — в Гайнском; *Шудья*, *Урья*, *Лемья* — в Кочевском; *Чужья*, *Пышья* — в Юрлинском; *Кузья*, *Пышья*, *Кордья* — в Кудымкарском).

По языковой принадлежности названия на *-я* неоднородны. В их числе имеется, видимо, определенный процент коми названий, испытавших позднейшую угорскую или другую обработку. В народном произношении такие гидронимы до сих пор сохранили исход *-у*, *-ю*. Так, вместо официальных *Пышья*, *Кордья*, *Кузья*, *Урья*, *Ворья* коми-пермяки произносят *Пышшу* (из более древнего *Пышью*, где *ю* — 'река, речка'), *Көррдю* (из *Көрдью*), *Куззю* (из *Кузью*), *Урью*, *Вөрью*. Произношение с *-ю* в исходе имеют гидронимы на *-я* и вне пределов Коми-Пермяцкого округа. Например, реку *Мысья*, приток Вильвы, язьвинские коми называют *Мөсью*.

Часть коми-пермяцких названий на *-я* происходит от имен существительных со значением «изобилующий чем-либо»: *мырья* — 'пнистое место', *пожума* — 'сосняк'. По-

добные слова вошли в топонимию без форманта. Например: деревни *Сюзь-Позья* (буквальный перевод — 'место, изобилующее гнездами филинов'), *Тури-Позья* ('место, изобилующее гнездами журавлей'). Значения реки здесь нет, поскольку деревни удалены от водных источников, которые могли бы иметь наименование с исходом на -я. Топонимы такого рода могли быть перенесены на небольшие реки и речки, протекавшие по данной местности. Так, название *Лемья* может быть расшифровано как 'место, поросшее черемухой', или 'черемушник', а после перенесения названия местности на реку — 'река, протекающая по черемушнику'; название *Бадья* — как 'ивняк' и 'река, протекающая по ивняку'. Думается, что когда народное произношение гидронима с коми-пермяцким корнем не отличается от официального названия на -я, налицо именно такая модель. Названия небольших рек, как известно, часто возникают подобным образом. Предположение тем более вероятно, что первые компоненты приведенных названий не типичны для гидронимов. Они обычны для характеристики местности. Например: *Турунья* — 'травянистое место' (*турун* — 'трава'), *Сирья* — 'место, поросшее вязом' (*сирпу* — 'вяз, ильм').

Какая-то часть гидронимов на -я могла быть создана уграми (не исключено, что манси), появившимися здесь в середине I тысячелетия нашей эры, возможно, смешанно с удмуртами или тюрками. Так, название *Лупья* (Гайнский район) легче объяснить с помощью мансийского *луп* — 'лесная чаща, валежник', и я — 'река', чем с помощью *Лопью* — 'река, протекающая через валежник'. К тому же сами коми-пермяки этот гидроним произносят просто *Луп* или *Лупью* (где -ю — коми гидроформант, появившийся вместо мансийского -я в том же значении).

Окончание -я могло появиться в некоторых случаях и в порядке унификации топонимических типов. Например, один из притоков Велвы *Косыл* в ряде документов именуется *Косылья*.

Наконец, пужно иметь в виду еще один источник появления названий на -я, особенно на территории Удмуртии. Это имена родов пермских племен, так называемые воршудные имена (*Шудья*, *Кибья*, *Жикья* и так далее) ²³.

[23] См.: Г. А. Архипов. Удмуртские этнонимы. В сб.: «Ономастика Поволжья». Ульяновск, 1969, стр. 239—243.

Таким образом, многие официальные гидронимы на -я в Пермской области имеют пермское, в частности коми-пермяцкое, происхождение. Элемент -я в конце некоторых сложных гидронимов возник на месте первоначального -ю в результате приспособления их к угорскому или позднее — к русскому гидронимическому типу. Этот вывод хорошо подтверждают созвучные названия на -ю, сохранившиеся на территории Коми АССР. Сравните коми-зырянские названия — *Ворью, Косью, Лемью, Лопью, Пивью, Расью, Тыбью* с прикамскими — *Верья, Косья, Лемья, Лопья, Пилья, Расья, Тыбья*.

Слово ю, некогда широко употреблявшееся в коми-пермяцких диалектах Прикамья для обозначения малых рек, в настоящее время в речи иньвенских пермяков утрачено. Забвение первоначального его значения способствовало тому, что на стыке компонентов сложных гидронимов стали возникать ассимиляции: звук *й* уподобился конечному согласному предшествовавшего компонента. Так, из *Кузью, Пышью, Кёрдью* получились формы *Кузю, Пышшу, Кёрддю*.

В многосложных же гидронимах на -ю конечный гласный отпал, в результате чего из *Вежаю* ('священная река'), *Сусаю* ('кедровая река'), *Тылаю* ('река, протекающая по подсеке'), *Видзаю* ('луговая река') получились формы: *Вежай, Сусай, Тылай, Видзай*. Этот вывод также подтверждается наличием созвучных гидронимов на территории Коми АССР. Сравните названия, бытующие в Коми АССР — *Вежаю, Сусаю, Тылаю, Видзаю*, с прикамскими — *Вежай, Сусай, Тылай, Видзай*²⁴.

Подобным образом возникли, видимо, и удмуртские гидронимы на -ой (*Тылой, Вожой* — *Вожойка* и другие). Однако в этом языке на -ой кончаются и некоторые древние родовые имена (*Чубой, Чумой*). К рассматриваемым названиям не относятся удмуртские слова на -ай — *Карсовой, Тыловой, Сурсовой, Гондырвай, Сиковай* и другие. У них есть формант -вай, восходящий к самостоятельному слову *вай* — 'ветвь, исток, рассоха'.

Разрушение фонетического состава -ю в сложных гид-

□²⁴ Какая-то часть названий на -ай представляет собой, по-видимому, имена тюркского происхождения, попавшие в Прикамье в связи с переселением волжских и западносибирских тюрков (*Аразай, Кумай, Шулай* и другие).

ронимах (типа *Вежаю*) привело к затемнению их общего значения и облегчило присоединение суффиксов русского языка *-иха*, *-ка*: *Вежайка*, *Вижайка*, *Вежаиха*, *Визяиха*, *Силайка*.

Многие коми-пермяцкие гидронимы на *-я* созвучны корням на *-ва*. Сравните: *Волья* — *Вольва*, *Инья* — *Иньва*, *Косья* — *Косьва*, *Лемья* — *Лемва*, *Лопья* — *Лопва*, *Ошья* — *Ошва*, *Сия* — *Сива*, *Сынья* — *Сыньва*, *Урья* — *Урва*, *Чужья* — *Чужва*, *Котья* — *Котьва*, *Пудья* — *Пудьва*.

В самостоятельном употреблении *ва* означает 'вода, река'. Слово это очень древнее, восходит к финно-угорскому языку-основе (в удмуртском — *ву*, в марийском — *вут*, в мордовском — *ведь*, в финском — *vete*, в венгерском — *víz*, в мансийском — *вит*). Названия на *-ва* в Пермской области составляют самую распространенную группу в современной гидронимии коми-пермяцкого происхождения. Имя-формант *-ва* в названии рек появился уже после распада общепермского единства. Об этом, в частности, говорит то, что в Удмуртии гидронимов на *-ва* нет. Интересно также отметить, что в писцовых книгах 1579 и 1623—1624 годов некоторые из нынешних гидронимов, имеющих *-ва*, зафиксированы еще без него: *Уль* (ныне *Ульва*), *Нерда* (*Нердва*), *Кана* (*Канынва*). Возможно, что к моменту оформления гидронимов с помощью *-ва* в бассейнах этих рек проживали еще иноязычные люди. Сравните: *иль* в кетском — 'вода', а в мансийском — 'лес на болоте'. В некоторых названиях (в народных говорах) суффикса *-ва* нет до сих пор. Так, иньвенские пермяки говорят *Сер*, *Йог* вместо *Серва*, *Егва*.

Нам представляется, что слово *ва* стало превращаться в имя-формант в связи с устареванием слова *ю* — 'река'. Кроме того, на определенной стадии развития, уже после распада пермской общности, у коми возникла необходимость выделить из множества рек наиболее крупные, воспринимаемые как большой водный массив ('вода, много воды'). Иногда *-ва* к названию присоединяли писцы. При этом не только к гидронимам, но и к названиям населенных пунктов, находившихся возле рек. Имеется, например, село *Большая Серва*, на реке *Сере*, но точно так же есть деревня *Сордва*, хотя реки *Сордвы* нет. Наконец, элемент *-ва* коми-пермяки нередко присоединяли к иноязычным названиям тех мест, куда они приходили после угров или тюрков. В этом отношении большой

интерес вызывают такие гидронимы, как *Юлва*, правый приток Лобвы (первая часть слова явно тюркская), а также *Язьва*, *Усьва*, *Котьва*, *Лозьва*, *Люнва*. Первые части некоторых названий находят объяснение в угорских языках (сравните: мансийское *лус* в названии *Лусмья* — *Лозьва* — 'болотистый луг').

Нередко *-ва* присоединяли к односложным коми-пермяцким гидронимам, представлявшим собой производное слово. Процесс оформления шел неравномерно и не везде последовательно. До сих пор можно встретить однокоренные названия с суффиксом *-ва* и без него. Например: *Воль* — *Вольва*, *Пож* — *Пожва*, *Сын* — *Сынва*, *Сюзь* — *Сюзьва*, *Уть* — *Утьва*. Подобные варианты встречаются иногда в произношении названия одной и той же реки. Так, приток Камы с официальным названием *Коса* местное население произносит то *Кösва*, то (реже) *Кös*. Районный центр *Коса*, стоящий на ее берегу, так же иногда называют просто *Кös*.

Вполне понятно, что с помощью элемента *-ва*, после превращения его в имя-формант, стали оформлять и некоторые названия, уже имевшие исход *-ю*. Например, река *Кузьва*, приток Кувы, ранее была известна как *Кузью*. Иногда элемент *-ва* приходил на смену *-я*, особенно если последний имел иноязычное происхождение. Так, мансийское название *Люлья* на языке коми стало звучать как *Люльва* (приток Колвы).

Большую часть гидронимов с исходом *-ва*, встречающихся на территории Пермской области, легко объяснить с помощью коми языка. Приведем наиболее прозрачные этимологии.

Вольва. *Воль* на языке коми означает 'лесной участок с окоренными деревьями, росчисть'; *Ердва*. *Ерд* на одном из диалектов коми — 'пустошь, открытое возвышенное место'; *Кизьва* (*Кыздза*). *Кызд* — 'береза'; *Койва*. *Кый* в языке коми — 'речная пиявка', в удмуртском — 'змея', а *кой-* в языке коми — 'брызгать'; *Косьва* — 'порожистая река'; *Нязьва*. *Нязь* на вымском диалекте коми-зырянского языка — 'низкое место'; *Ольва* — 'река, протекающая по заболоченному лесу'; *Сейва* — 'глинистая река'; *Сынва*. *Сын* — 'язь'; *Лысьва*. Первая часть названия представляет собой, по-видимому, коми-пермяцкую переделку мансийского *лус* — 'болотистый луг, пойма'; *Сюзьва*. Буквальный перевод — 'филин-река', в смысле

'река, протекающая по территории, принадлежавшей роду Сюзь'; *Сюрва*. *Сюр* на языке коми — 'возвышенность, горный хребет'; *Шаква*. *Шак* на языке коми — 'сор, занесенный на пожни разливом рек'.

Это далеко не полный перечень гидронимов на *-ва*: их более сотни. Они встречаются не только на территории современного Коми-Пермяцкого округа, но почти везде, где некогда существовала родановская культура. Гидронимы на *-ва* представлены также в топонимии Коми АССР и в западной части Свердловской области. По ареалу названий с исходом *-ва* можно выделить территорию, на которой расселились коми после распада общепермского единства.

Не так многочисленны гидронимы на *-вож*. Происхождение их почти всегда прозрачно. Имя-формант *-вож* сравнительно молод и связан с самостоятельным словом *вож* — 'ответвление, приток, развилка'. В удмуртском языке *вож* означает 'устье реки, перекресток'. Иногда *вож* выступает в качестве самостоятельного гидронима. Функцию имени-форманта *-вож* выполняет в следующих названиях: *Шервож* (буквальный перевод — 'средний приток'), *Ойвож* ('северный приток'), *Сылвож* ('талый приток'), *Лёквож* ('приток, протекающий по глухой, недоступной местности'), *Сусавож* ('кедровый приток'), *Асывож* ('восточный приток'), *Рытьявож* ('западный приток'), *Чуклявож* ('извилистый приток'), *Куртьявож* ('путаный приток'), *Ошвож* ('медвежий приток').

Изредка в значении притока употребляют *чер*, *сер* (*Сер*, приток Иньвы). В некоторых гидронимах эти варианты выступают в качестве имени-форманта: *Янчер*, *Кетчер*, *Мытчер*, *Шотчер*.

В коми-пермяцкой гидронимии весьма продуктивен имя-формант *-шор* (в самостоятельном употреблении это 'ручей', а раньше обозначало также 'источник'). Коми-пермяцкому имени-форманту *-шор* соответствует *-шур* в удмуртском языке, которое обозначает 'река'. Сотни рек и ручейков в Коми-Пермяцком округе и в местах, где когда-то проживали коми-пермяки, имеют названия с исходом *-шор*. В основе таких гидронимов нередко лежат христианские имена. А они не могли появиться раньше принятия коми-пермяками христианства и усвоения ими христианских имен (*Конашор*, *Сенькашор*, *Софроншор*, *Сивашор*, *Сидёршор*, *Дарьяшор*). Грамматическая струк-

тура таких гидронимов полностью соответствует коми языку: личное имя, являющееся принадлежностным определением, стоит в именительном падеже, оно не согласуется, а примыкает к определяемому слову *шор*. В этом отношении гидронимы на *-шор* аналогичны коми-пермяцким названиям типа *Калягорт* ('дом, поселение Кали'), *Степаныб* ('поле Степана', или буквально 'Степан-поле').

Чтобы рассеять возможные подозрения по поводу языковой принадлежности названий на *-шор*, поскольку у них первую часть составляет христианское имя, а такими именами пользовались многие христиане (русские, удмурты и другие народы), напомним, что в русском языке такие топонимы приобрели бы совершенно другое построение. Слово-определение в них было бы оформлено суффиксально: *Гришино поле* (на языке коми — *Гришаыб*), *Семёнов ручей* (на коми — *Семёншор*) или *Стёпкинский ручей* (на коми — *Стёпкашор*).

Таким образом, названия на *-шор* имеют коми-пермяцкое происхождение. Они возникли, по-видимому, в связи с необходимостью осваивать еще не занятые места по малым рекам и ручейкам в период массовых переселений крестьян на восток, в частности в Верхнее Прикамье.

Среди многочисленных гидронимов на *-шор* есть и такие, принадлежность которых к коми языку бесспорна, так как у них и первые части — народные имена коми или другие определения (*Кайшор, Пельшор, Учётшор, Ыджытшор, Чукыляшор, Баляшор*).

НАЗВАНИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ. Как и коми-пермяцкие гидронимы, названия населенных пунктов чаще всего двухкомпонентны. Простыми словами являются только те, что образованы от антропонимов и географических терминов. В названиях поселений коми-пермяки подчеркивали их географические или исторические признаки. Можно выделить несколько словообразовательных моделей топонимов.

Много названий с исходом *-кар (-кор)*. В общепермском языке *кар* означало 'городище, укрепленное место, местожительство коллектива'. Топонимы на *-кар* очень древни. Они начали появляться со времени ананьинской культурной общности. Немало городищ возникло в ло-

моватовское время, когда в состав местного населения включились южные скотоводческие племена. Топонимы, вторым компонентом которых является *-кар* (*-кор*), сохранились до сих пор (*Канкар, Дойкар, Вашкор, Искор, Редикор, Крымкор, Пыскор, Майкор*). Иногда названия на *-кар* оставались за заброшенными местами. В Коми-Пермяцком округе есть *Дзугыркар, Кочкар, Зырянкар, Чумкар, Курёгкар*. Старики и сейчас нередко рассказывают, что в этих местах будто бы заживо похоронили себя в больших ямах люди племени чудь. Предания о чуди нами записаны во многих районах. Вот два варианта²⁵.

«Раньше здесь жили чуды. Это был славный народ. Девушки их были черноволосы и чернобровы, одевались они, как цыганки. А косы их свисали до колен — такие длинные были. Но вот однажды узнали чуды, что на них надвигается ужасное несчастье. И тогда храбрые и гордые люди решили умереть. Они вырыли большие и глубокие ямы. Внутри поставили столбы, поверх настлали плахи, на них наносили землю. Когда подземные срубы были готовы, чуды целыми семьями зашли в ямы. Затем мужики свалили столбы, и земляная насыпь задавила чудов. Так чудской народ ушел живьем в землю».

«Не принято строиться в тех чудских местах, — говорится в другой легенде, — поганые те места. Какая-либо нечисть навяжется ли чё ли. Да и прикашаются чуды-те: то кошкой злой пробежит мимо тя, то собакой, то волком завоюет вдруг. А упадешь в тех местах, ногу ли чё ли ушибешь, дак не заживет совсем».

Часть рассказчиков отождествляет чудов с предками коми-пермяков. Здесь не место, а может быть, и не время вести разговор о чуди (чудах). Мы упомянули о них чтобы подчеркнуть, насколько многие названия на *-кар* еще таинственны. У них не всегда понятны первые компоненты (например, в названии *Редикор*). Большинство, правда, можно расшифровать, но с известной натяжкой: *Искор* из *Изкар* — 'каменное городище'; *Канкар* — 'городище хана, царя (возможно, племенного вождя)'; *Майкар* — городище Мая (видимо, видоизмененное *мой* — 'бобр'. 'Городище рода Бобр'. Непонятное *мой* более поздним населением было приближено к русскому

 ²⁵ Легенды записаны в селе Юкеево в 1971 году.

имени *Май*. Сравните: *Май* — *Майков*); *Вашкор*, видимо, из *Важкор* — 'древнее городище'. А как расшифровать топоним *Крымкар*? Первая часть его уводит нас к южным народам (тюркские *карым*, *кырым*, *карам* означают 'яма, ров, канава', а *Карим*, *Карым* — тюркские имена, которые могли попасть в Прикамье с тюрками или удмуртами, уграми или марийцами, часто носившими тюркские имена).

Для коми-пермяцкой топонимии характерны и названия на *-горт*, что в самостоятельном употреблении означает 'дом, деревня, родина'. Названия на *-горт* также древни. Многие из них уже забыты или заменены. Немало названий на *-горт* живет в микротопонимии, где часто обозначает 'урочище, поле, местность'. В Чердынском районе, например, есть названия *Лабгорт* (около Янидора), *Маньгорт* (около села Лызово), *Козьгорт* (около села Искора), *Зенигорт* и *Калягорт* (около села Вильгорта), *Важгорт* (около села Бондюг). В других местах известны *Дзельгорт*, *Дзольгорт*, *Мёдгорт*, *Ыбгорт*, *Кучгорт*, *Дичгорт*. Такие названия первоначально обозначали 'дом, участок земли', принадлежащие лицу, названному в первой части топонима. На современной же карте Пермской области названия с исходом на *-горт* не так уж часты. Сохранились лишь такие, как *Вильгорт*, *Камгорт*, *Кушмангорт*, *Мысагорт*, *Позагорт*. Более долговечны названия с именем-формантом *-горт* (*-гурт*) в удмуртской топонимии: *Пертегурт*, *Адямигурт*, *Комакгурт*, *Анигурт*, *Бибаньгурт*, *Телегурт*, *Сенькагурт*²⁶.

Иногда название поселения связано с языческим именем главы большой патриархальной семьи, обычно отца или старшего сына. По имени главы семьи получала название и земля, принадлежавшая данной семейно-родовой группе, а нередко и река, протекавшая по этой земле. Так появились топонимы типа *Сюзь*, *Ош*, *Сизь*, *Кöч*, *Ябыр*. Такие названия по мере обрусения населения получали русское оформление: *Сюзево*, *Ошево*, *Сизёво*.

Нередко в основе названия поселения — слово, которым называли участок земли, приготовленный под пашню. Чтобы очистить землю от леса, нужно было сначала

[26] ²⁶ См.: Т. И. Тепляшина. Специфика удмуртской топонимии. В сб.: «Географические названия Прикамья». Пермь, Изд-во ПГУ, 1968, стр. 96.

окорить деревья (в языке коми *вольны* — 'окорить'), затем срубить высушенные на корню деревья (*октыны* — 'повалить дерево'). Расчистка участка завершалась выжиганием. В результате получалась рощица (*тыла* — 'рощица'). В топонимии Верхнего Прикамья нашли отражение все этапы освоения лесных площадей: *Талавол* из *Тылаволь*, *Вольвыл*, *Деренволь*, *Кырволь*, *Тукволь*, *Лягайволь*, *Попанволь*, *Тыла*, *Тывашор*, *Тылаево*, *Октас*.

Если почву на отвоеванном у леса участке удобряли, то возникало поле — *ыб* на языке коми (в документах иногда *-иб*, *-об*). Топонимы с *-ыб* свидетельствуют о сравнительно интенсивном освоении новых земель. Названий на *-ыб* (*-иб*, *-об*) немало: *Ошиб*, *Вилиб*, *Лекиб*, *Гириб*, *Мушиб*, *Важиб*, *Ручиб*, *Чаняиб*, *Каняиб*, *Касиб*, *Илаб*, *Моддороб*, *Чигироб*, *Ныроб*. Они представлены не только в Коми-Пермяцком округе, но и в местах более раннего пребывания коми-пермяков. Немало подобных названий осталось в микротопонимии тех мест, где поздними поселенцами стали русские. В Чердынском районе около села Янидора есть *Матыныб*, *Кудаыб*, *Антаныб*; около села Лызово — *Адзиб*, *Гагьяыб*; села Покчи — *Пойыб*; села Пильвы — *Сыниб-Гарь*; возле деревни *Курсыб* — *Унеиб*, *Сёрдыб*; села Искорка — *Сюгаб*, *Начиб*, *Лидориб*; около села Бондюг — *Синяиб-Луг*, *Гайиб*.

Тесные связи местного населения с русскими отражаются в названиях со словом *пальник* (выжженное место в лесу): *Дзель-Пальник*, *Важ-Пальник*, *Вась-Пальник*, *Шайтан-Пальник*, *Харитон-Пальник*.

Люди, нуждавшиеся в новом земельном участке, иногда выбирали готовую гарь или полóm ('место, где лес сломан бурей'). Возникали деревни, получавшие наименования типа *Васькина Гарь*, *Высокая Гарь*, иногда *Загарье*. Их грамматическая форма, соответствующая русскому языку, не должна смущать. В письменных источниках коми названия нередко не только фонетически подгоняли под нормы русского языка, но и переводили на русский язык. В таком виде топонимы проникали в устную речь, особенно если население интенсивно смешивалось. За населенными пунктами, возникавшими на месте естественного полома (бурелома), закрепляли название *Полом*.

В коми-пермяцкой топонимии встречаются также названия на *-мыс*. Это слово заимствовано из русского

языка, но здесь, как, впрочем, и в русских говорах, оно приобрело несколько иное значение: 'холм, возвышенность, высокое место, гора' (*Кышкамыс, Степанмыс, Агафонмыс, Идмыс, Мокинмыс, Гёрдмыс*).

Коми-пермяцкие селения могли получать названия по ближайшим рекам. Таковы *Юсьва, Кузьва, Дубшор, Котокшор, Дарьяшор, Ойвож, Сылвож, Онолва*. С гидронимами связаны и такие топонимы, как *Янчер, Пый, Оныл, Коса*.

Иногда поселение на берегу реки называли просто «берег (край) такой-то реки» (*Истердор, Волпадор, Иньвадор, Лопвадор, Юсьвадор*). В этих словах *дор* — 'край, берег реки'. Деревни в истоках рек получали названия на *-йыв*, что в самостоятельном употреблении означает 'исток, верховье'. В официальных документах *-йыв* нередко переходило в *-ив* (*Вежайив* из *Вежаййыв*, *Шорив* из *Шорйыв*), изредка *-йыв* в топонимах означает 'вершина горы'. Так, деревню *Пармайлова* коми-пермяки называют *Пармайыв* — 'вершина горы Пармы'. В письменных источниках топонимам Коми-Пермяцкого округа на *-йыв* точно соответствуют названия с русским словом *верх*. Например: *Верх-Юсьва, Верх-Иньва* (старожилы говорят *Иньвайыв*), *Верх-Мега, Верх-Лупья, Верх-Ядьва, Верх-Коса, Верх-Лома*.

Некоторые поселения названы коми-пермяками по характерному признаку местности: *Кыквөрколас* (буквальный перевод — 'место между двумя лесами'), *Нинмараск* ('липовая роща'), *Ойпожум* ('северная сосна').

Многочисленны в коми-пермяцкой топонимии названия, образованные от антропонимов (прозвищ, народных и христианских имен во всех их формах). В топонимию антропонимы входят без помощи какого-либо форманта. Только в официальных документах и русских источниках они получили принадлежностные суффиксы *-ово* (*-ево*), *-ино*: *Пыстогово* (*Пистög*), *Квать-Пелева* (*Кватьпель*), *Кочево* (*Кöч*), *Дзульганова* (*Дзульган*), *Ермакова* (*Ермак*), *Степаново* (*Степан*), *Артамоново* (*Артамон*), *Федотова* (*Педöт*), *Дёмина* (*Дёма*), *Митина* (*Митя*), *Ортина* (*Öртя*).

Многие подобные топонимы представляют собой сочетание имени и отчества, не оформленных специальным суффиксом. Например: *Спир-Омель* (буквально 'Емельян Спиридонович'), *Лёва-Иван* ('Иван Львович'), *Карп-*

Васька ('Васька Карпыч'). В единичных случаях топонимом является имя отца, сопровождаемое словом *пиян* — 'сын'. Например: *Сеню-Пиян* ('Сын Сенечки'), *Миш-Пиян* ('сын Миши').

В поисках свободных земель, годных для освоения под пашню, люди уносили с собой название старого населенного пункта, прибавляя к нему слово *виль* ('новый'). Так появились *Виль Батина*, *Виль Ванюк*, *Виль Шулай*, *Виль Осипова*, *Виль Чигас*, *Виль Чукуль*, *Виль Добрынин*.

Мы рассмотрели коми-пермяцкий топонимический пласт в том виде, как он представлен теперь в Коми-Пермяцком округе и в местах, где следы прежнего местопребывания коми-пермяков еще не стерлись. Коми-пермяки и их предки выработали в течение тысячелетий богатую и разнообразную систему топонимии. В нее входят названия, созданные в эпоху родановской культурной общности и отчасти в более древние периоды (ломатовская, гляденовская, ананьинская культуры). Признаками коми-пермяцких топонимов являются имена-форманты *-ю*, *-ва*, *-шор*, *-кар*, *-горт*, *-ыб* и другие. Они служат безошибочным свидетельством принадлежности названия к коми источнику, сообщают о том, что топонимы, оформленные с их помощью, длительное время были в употреблении у коми-пермяков или их предков, а объекты, названные этими именами, находились в более или менее близком отношении к ним.

Особый и трудный вопрос — выявление пермской топонимии Среднего и Нижнего Прикамья; находящейся теперь под русским и тюркским пластами. Для ее обнаружения нужны глубокие знания не только в области пермских, но и тюркских языков. Процесс тюркизации пермских топонимов иногда удается проследить по письменным источникам, сохранившим более древний звуковой облик названий. Так, река *Танып*, приток Белой (Башкирия), ранее называлась *Таныб*²⁷. В исходе гидронима мы узнаем уже знакомое *-ыб* ('поле'). Гидроним *Тюй* напоминает коми *туй* ('дорога'). Названия, сходные с коми словами, встречаются в районе Чернушки, Осы и в других местах.

 ²⁷ См.: А. Дмитриев. Пермская старина. Вып. 6. Пермь, 1895, стр. 114.

Общекоми единство распалось в первой половине нашего тысячелетия. Позднее на Вычегде возникла Пермь Вычегодская, а на Каме — Пермь Великая. С того времени началось выделение двух народов: камских коми, за которыми впоследствии закрепился русский этноним *коми-пермяки*, и вычегодско-мезенские коми, известные под названием *коми-зырян* или просто *коми*. В 1472 году местный воевода уже носил прозвище *Зыран* по этнониму.

В географических названиях Верхнего и Среднего Прикамья с XV века можно выделять коми-пермяцкие и коми-зырянские топонимы. Последние были перенесены или созданы в Прикамье вычегодско-мезенско-лузскими коми (в русских документах — пермяне), которые включились в общее движение русских на восток. Часть вычегодских, мезенских, лузских, пинежских и других пермян, нередко уже смешавшихся с русскими, обруселых, оседала в Верхнем Прикамье, другие уходили к горному Уралу. О таких миграциях коми-зырян свидетельствуют прозвища по этнониму *зырян (зыран)*, представленные в писцовых книгах XVI—XVII веков, и географические названия. Так, в 1579 году прозвище *Зырян (Зыран)* встречалось в деревне Воцкой Чердынского уезда (Сенка Зырян), в погосте Искор (Ермак Зырян), в Янидоре (Никитка Зырян), в Кулчуге (Олешка Зыран). В Соликамском уезде была речка *Зырянка*, а на ней деревня *Зыряново* (ныне район города Березников). Позднее деревни с названиями *Зырянова, Зыряново, Зыряна (Зыряны)* известны в Усольском, Кочевском, Кудымкарском, Ильинском и Сивинском районах. Почти во всех районах Пермской области изредка стала попадаться фамилия *Зырянов* (редко *Зырянкин*). Возможно, с этнонимом *зырян* связана и фамилия *Саранин* (Юрлинский район). Саранами зырян называли манси, а следы манси в топонимии северных районов Коми-Пермяцкого округа имеются.

В топонимии неэтнонимического происхождения коми-зырянские названия выделить труднее, поскольку оба языка коми очень близки и огромное количество слов представляет собой общий топонимический фонд. Однако

все же в некоторых случаях исходный материал топонимов больше напоминает коми-зырянское, чем коми-пермяцкое слово, например, вторая часть микропонима *Ыджыт-Су* (Кочевский район) созвучна с коми-зырянским *су* — 'изгородь, отделяющая луг от выгона'.

УДМУРТСКИЕ НАЗВАНИЯ

Предки удмуртов, как известно, проживали в Среднем и Нижнем Прикамье, на правом берегу Камы, между Сарапулом и устьем Вятки, а также в нижнем течении Вятки. По мнению видного советского финно-угроведа В. И. Лыткина, уже в начале нашей эры в пределах общепермского языка-основы происходила выработка двух диалектных групп, впоследствии послуживших базой для образования коми и удмуртского языков²⁸. В этом сыграло свою роль и территориальное отделение коми от удмуртов. Коми все больше сосредоточивались на северо-востоке Верхнего Прикамья. Началось создание ломатовской, а затем и родановской культур. Предки удмуртов стали заселять юго-западную часть Прикамья (границы их территории совпадают примерно с границами современной Удмуртии).

На смежных территориях Удмуртии и Пермской области, издавна заселенных родственными по языку народами, немало одноструктурных топонимов, оформленных в соответствии с грамматическими особенностями удмуртского и коми-пермяцкого языков. Сравните коми-пермяцкие названия *Васькашор, Нюршор, Тылашор, Вильгорт, Миш-Пиян, Кайшор* с удмуртскими *Васяшур, Нюрошур, Тылошур, Вельшур, Дениспи, Кайшур*.

Возможно, к общепермскому фонду относятся и некоторые семейно-родовые прозвания, перешедшие в топонимы с исходом на *-га* (*Пудга, Сойга, Пельга, Сюга, Можга, Юньга, Пурга* — в Верхнем Прикамье; *Малая Пудга, Большая Пудга, Сюга, Можга, Юнга, Большая Пурга* — в Удмуртии); с исходом на *-ья* или *-я* (*Котья, Шудья* — в Верхнем Прикамье; *Котья, Шудья* — в Уд-

□²⁸ См.: В. И. Лыткин. Происхождение коми-пермяцкого языка. В кн.: «Коми-пермяцкий язык». Под общ. ред. В. И. Лыткина. Кудымкар, 1962, стр. 24.

муртии, где они получили особенно широкое распространение). Несомненно, общепермское происхождение имеют дохристианские имена на *-ег, -ог* (*Пистбг, Вольбг, Курбг* или *Курбгово* — в коми-пермяцком языке; *Пислег, Волег, Курег* — в удмуртском). По документам истории Удмуртии XV—XVII веков, такие имена там отражены наиболее полно.

К общепермскому фонду относятся, по-видимому, и некоторые географические термины. Например, два сходных слова: в языке коми *лӧп* и в удмуртском *лып* имеют одинаковый перевод — 'лесная чаща'; в коми — *шор*, в удмуртском — *шур* — 'ручей, река'; в коми — *сорд*, в удмуртском — *сурд* — 'роща'; в коми — *ӧшмӧс* — 'колодец, прорубь', в удмуртском — *ошмес* — 'ключ, источник'.

Кроме этого общего фонда топонимов, объясняющихся родством языков, в топонимии Пермской области немало поздних, видимо, перенесенных удмуртами названий. Наиболее заметны они на севере Коми-Пермяцкого округа (Гайнский, Косинский, Кочевский и отчасти Юрлинский районы). В Коми-Пермяцком округе есть *Багай*, такое же название в Увинском районе Удмуртии (*багай* по-удмуртски — 'немой'); повторяется название *Гортлуд* (*луд* по-удмуртски — 'поле, роща'). В Коми-Пермяцком округе имеется село *Чадзево* (там в 1579 году жили Петрушка и Гришка Чазевы), в удмуртском языке сохранилось дохристианское имя *Чадз*, вошедшее в фамилию *Чазов*, распространенную на севере Удмуртии. Название притока Тимшера — *Мый* (Коми-Пермяцкий округ) совпадает с нарицательным удмуртским словом *мый* ('бобр').

Немало топонимов удмуртского происхождения в Чердынском и Соликамском районах. Есть село *Бондюг*, а в Граховском районе Удмуртии — деревня *Новая Бондюга*; деревня и озеро *Мурты* (*мурты* по-удмуртски — 'глубокое озеро'); деревни *Одзго-Жикина* и *Одзго-Коселева* (*Одзга* в удмуртском языке — воршудное имя, то есть название рода), а в Селтинском районе Удмуртии — *Новая Жикья*; реки *Чепец* и *Чепечанка*, в Удмуртии — *Чепца*, приток Вятки; урочище *Сурд* около деревни Лапсырь (*сурд* по-удмуртски — 'роща'); урочище *Тыло* (*тыло* по-удмуртски — 'место лесного пожара, подлесок'); река *Уч*, приток Сумыча, а в Можгинском районе Удмуртии — *Кельвай Уча*; *Касиб* — 'Казино Поле' (*кас* по-уд-

муртски — 'злой, завистливый, коварный'); село *Ворцево*, а в Игринском районе Удмуртии — *Ворца*, *Нязь-Ворцы*; *Агайгорт*, ныне Шипицина (*агай* по-удмуртски — 'старший брат'); в погосте Губдор одна из речек названа *Намшур* (*шур* по-удмуртски — 'река').

Эти и другие названия позднеудмуртского происхождения пришли на территорию Пермской области через Кайский волок, по Каме, Косе, а иногда, видимо, и через притоки Вычегды, например Сысолу. Любопытно, что погост *Ужга* на Сыsole прежде носил название *Воцкая*. Топонимы *Ужгинская* и *Воцкая* обнаружены И. И. Яхонтовым в Окологороднем стане Чердынского уезда. Населенные пункты с такими названиями существуют и сейчас.

Удобным путем для движения удмуртов на восток была текущая в этом же направлении река Иньва. По всему ее бассейну от верховьев до устья встречаются удмуртские вкрапления на коми топонимическом фоне: деревни *Вырья* и *Вырово* в Кудымкарском районе (*выр* по-удмуртски — 'холм'). В 1579 году на Куве был починок *Чазево* (*Мянкор*), где жил Володка Иванов сын Отинов. Фамилия Отинов, происходящая от устаревшего этнонима *оть* (*воть*, *вотьяк*), встречается в бассейне Кувы и теперь.

Среди перенесенных названий особый интерес вызывают совпадающие по звучанию башкирские и удмуртские этнонимы, то есть названия родовых групп: в удмуртском — *Гайна*, *Имес* и в башкирском — *Гайна*, *Имес*²⁹. Оба термина встречаются также в Гайнском районе Пермской области. Село *Гайна*, по ревизским сказкам, имелось и в Осинском уезде, оно было центром Гайнской или Гайнинской волости, где жили башкиры. Причем у некоторых башкир была фамилия *Андров*. Возможно, с ней связана фамилия *Андров* (*Андыров*), которую носят некоторые жители деревни Пармайлово Юкеевского сельсовета Кочевского района. В селе Гайны (Гайнский район) в 1834 и 1850 годах несколько семей имели фамилию *Булатов*, в основе которой тюркское

□²⁹ См.: В. Ф. Генинг. Мазунинская культура в Среднем Прикамье. В сб.: «Памятники мазунинской культуры». Ижевск, 1967, стр. 62.

имя *Булат*, бывшее также в ходу у чепецких удмуртов и бесермян. Совпадающие с топонимами Гайнского района удмуртско-башкирские имена и родовые прозвания свидетельствуют не только о тесных контактах удмуртов и башкир, но и о связи населения Среднего Прикамья, Удмуртии и Верхнего Прикамья.

Возможно, удмурты или обудмуртившиеся коми бывшего Глазовского уезда перенесли в Верхнее Прикамье такие топонимы с тюркскими основами, как *Бачманово* (на языке коми *Чоййыл* — 'вершина горы'), *Булач*, *Булатовка*, *Шорша*, *Урманово*, *Аразай*, *Кордюк*. На такую мысль наталкивает факт, что подобные названия почти всегда обнаруживаются в районах сгущения удмуртских. Так, около деревни *Можги* — официальное *Мочга* (*можга* — название удмуртского рода) — находим, в том же Юсьвинском районе, топонимы с тюркскими основами: *Урманово*, *Чикманово*. Все эти факты свидетельствуют о миграциях населения средней и нижней Камы, а также севера Удмуртии в Верхнее Прикамье. Переселения происходили в разное время и были вызваны разными причинами. Одна из них — разорение золотоордынскими ханами народов Среднего Поволжья и низовьев Камы, в том числе и удмуртов. Люди искали прибежища в лесах Верхнего Прикамья.

волжско-финским языкам относятся марийские (горномарийский и луговомарийский) и мордовские (эрзя и мокша). Древнейшей территорией марийцев было междуречье Ветлуги и Вятки, а также левобережье и горное правобережье Волги. Одна-

ко примерно от четверти до трети марийского населения (луговые марийцы) в течение XVI—XVIII веков переселилось с левобережья Волги на территорию нынешней Башкирии и в Приуралье, где они известны под названием восточные марийцы. Историк Г. А. Сапеев писал, что восточные марийцы расселены к востоку от Вятки — в бассейне Камы и ее притоков. Здесь им выделены четыре основных района сосредоточения марийского населения: Прикамский — южная часть Камско-Вятского междуречья, Прибельский — в основном междуречье Белой, Уфы и Буя, Икско-Сюньский — междуречье Ика и Сюни, Приуральский — верховья Уфы и Сылвы³⁰.

Пребывание марийского населения в Приуралье отразилось в таких названиях, как две деревни *Черемиски* — в Шагиртском сельсовете Куединского района и Медянском сельсовете Ординского района (*черемис* — дореволюционное название марийцев), деревня *Ошмары*, ныне село *Большие Они* Юсьвинского района (*ошмарий* — устаревшее общее самоназвание марийцев, буквальный его перевод — 'белые марийцы'). Фамилия *Ошмарин* встречается в Юсьвинском районе и сейчас. Повидимому, марийцы перенесли в Прикамье некоторые названия со старой территории. Бросается в глаза сходство таких топонимов, как *Немыд* (река в Чердынском райо-

□³⁰ См.: Г. А. Сапеев. К вопросу о формировании этнографических особенностей восточных марийцев. В сб.: «Происхождение марийского народа». Йошкар-Ола, 1967, стр. 129.

не) и *Немда* (река в Марийской АССР), *Вая* (приток Ветлуги) и *Вая* (поселок в Красновишерском районе). Возможна также связь названия села *Покчи* (более древнее *Почка* — русское слово) в Чердынском районе, до сих пор плохо поддававшегося объяснению, с марийским словом *пакча* — 'огород'.

Марийцы на север Прикамья могли попасть после падения Казанского ханства. Любопытно, что в городе Чердыни в 1759 году проживали Меркушко и Максимко *Черемисиновы*, Терех *Черемисинов*. Кроме того, в топонимии Верхнего Прикамья имеются следы более древних марийцев, но этот вопрос еще плохо исследован и говорить о нем пока преждевременно.

Мордовские топонимы на территории Пермской области единичны и почти не изучены. Можно указать лишь на один очаг пребывания мордвы — в Воробьевском сельсовете Кочевского района есть деревня *Мордвино*, в которой в 1858 году были четыре семьи *Мордвиных* и две семьи с фамилией *Вожаев*. Миграция мордвы в восточные районы относится к более позднему времени — XVI—XVII векам.

ыли ли предки современных пермских народов аборигенами края или они пришли сюда из других мест, вытеснив, а отчасти и ассимилировав более древние племена? По этому вопросу в науке шли долгие споры. Только в последнее время

благодаря работам археологов утвердилось мнение об автохтонном происхождении коми-пермяков.

Некоторые ученые полагали, что пермские народы — поздние пришельцы. Предполагаемых предшественников пермян чаще всего относили к уграм. Д. П. Европеус, например, с уверенностью писал, что угры до прихода русских занимали территорию от Ледовитого океана до реки Оки, в том числе и земли Перми Великой³¹. Такое утверждение было опровергнуто видным советским топонимистом А. И. Поповым. «...Европеус пытался доказать, — писал он, — наличие угорского элемента в белозерских, как и вообще севернорусских, местных названиях, но эту попытку следует считать неудачной, так как все толкования указанного автора (из языков угорской ветви финно-угров) совершенно фантастичны, в них нельзя уловить даже зерна истины. Если случайно Европеус приближался иногда к правильному объяснению местного имени, пользуясь венгерским и обско-угорскими языками, то это было обусловлено только наличием значительного числа корней, общих всем финно-угорским языкам»³².

Здесь можно было бы не останавливаться на критике

□³¹ См.: Д. П. Европеус. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей. Спб., 1874, стр. 11.

³² А. И. Попов. Топонимика Белозерского края. Уч. зап. ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Вып. 2. Л., 1948, стр. 168.

угорской гипотезы, если бы ее не защищал в свое время А. Ф. Теплоухов, взгляды которого среди местных топонимистов имеют хождение до сегодняшнего дня. По мнению А. Ф. Теплоухова, унаследованному еще от Ф. А. Теплоухова, пермяки прибыли в Верхнее Прикамье совсем недавно — около XVI—XVII веков. Они вытеснили угров, а отчасти смешались с ними³³.

Одним из главных доводов для таких утверждений явились упоминания в письменных источниках об иньвенских, обвинских, очерских и других уграх. А. Ф. Теплоухов решил, что это и есть предшественники коми, и во всех работах старался обнаружить на якобы покинутых вогулами и остяками местах угорские названия, сходные с более поздними в бассейнах Сылвы, Чусовой, Лозьвы, Косьвы, Сосьвы, Конды. Автор привел довольно большой список гидронимов бассейна Чепцы и Верхнего Прикамья, будто бы унесенных отсюда вогулами на новые места. Наличие -я в конце названия (мансийское я — 'река') для него — самое веское доказательство в пользу вогульского происхождения гидронима. Основы же таких названий он сближал, к сожалению, совершенно произвольно. Например, вряд ли возможна какая-либо этимологическая связь между следующими топонимами Прикамья и Приуралья: *Бадья* и *Патья*, *Лолым* и *Мулмыя*, *Урья* и *Орья*, *Буб* и *Попья*, *Бортом* и *Морторма*. Не угорскими при ближайшем рассмотрении оказываются и такие топонимы, причисляемые Теплоуховым к мансийскому или хантыйскому источнику, как *Полом* и *Поломка* (в местных говорах *Поломка* — уменьшительное от *Варфоломей*, а *Полом* — 'лес, заваленный валежником'), *Яранина* (*яран* в народном языке — не только коми этноним для ненцев, но и уменьшительная форма от *Герасим*, в говорах — *Ярасим*).

Мы далеки от того, чтобы отрицать присутствие угорских племен в Среднем и Верхнем Прикамье в прошлом. Как свидетельствует археология, древние угры начали

 ³³ См.: А. Ф. Теплоухов. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний. Зап. УОЛЕ, 1924, стр. 108; он же. О происшедшей некогда смене угров пермяками на верхней Каме, на верхней Вычегде и удмуртами на Чепце. Труды Камской археологической экспедиции. Т. 3. Уч. зап. ПГУ. Т. 12, вып. 1. Пермь, 1960, стр. 274.

проникать сюда довольно рано. Значительный приток угорского (с частью тюркского?) населения из Южного Приуралья (территория нынешней Башкирии) и лесного Зауралья произошел, видимо, около середины I тысячелетия нашей эры³⁴. Передвижения отдельных групп угров, нередко тюркизированных, происходили и в последующие времена.

Угорские пришельцы селились небольшими группами среди коренного населения. В местах наибольшего сосредоточения (Гайнский, Косинский, Кочевский и другие районы) им удавалось приспособить некоторые пермские топонимы к своему языку. По-видимому, еще манси начали переделывать названия небольших рек, в бассейнах которых они поселялись. Они заменяли пермское *-ю* в исходе названий своим *-я* в том же значении. В результате такой переработки из древнего *Пышью* получалась *Пышья*. Но многие названия на *-ю* были переделаны позже уже русскими, в языке которых гидронимы на *-я* так же обычны. Коми-пермяки такие переработанные названия до сих пор произносят по-старому, то есть сохраняют *-ю* в исходе.

Вообще же об угорских названиях можно говорить с меньшей определенностью, чем о коми. Трудности вызваны тем, что сбор материалов, как топонимических, так и археологических, далеко не завершен. Особенно мало публикаций по угорской топонимике и антропонимике. Исследователи вынуждены оперировать пока неполными данными.

Проживая долгое время по западным и восточным склонам Уральского хребта, угры могли проникнуть в Верхнее Прикамье и с юга, и с востока, причем в разное время и с разными попутчиками: с юга, возможно, вместе с башкирами и удмуртами, с востока — с сибирскими тюрками. Тесная связь с тем или иным народом не могла не способствовать лексическим заимствованиям, и именно тех слов, которые чаще представлены в топонимии (географические термины и антропонимы). Выяснить все это очень трудно.

При определении угорского фонда в топонимии Верх-

[34] См.: Ю. А. Поляков. Археологические памятники. В кн.: «Памятники истории и культуры Пермской области». Пермь, Кн. изд-во, 1971, стр. 16.

него Прикамья следует иметь в виду, что угорские и пермские языки имеют генетическое родство, и созвучные одноструктурные названия на пермской и угорской территориях могут быть следствием такого родства. Например, географический термин *вõр* (на языке коми он означает 'возвышенность, покрытая лесом') связан с мансийскими *вор*, *ур*, имеющими то же значение. Кроме того, носители пермских и угорских языков в продолжение многих веков находились в территориальных контактах.

В расположении прикамских племен в I тысячелетии нашей эры, то есть уже после ананьинско-гляденовской общности, принадлежавшей общепермянам, наметились, по мнению археологов, три основные области. Северную часть Прикамья занимали племена, в культуре которых преобладали местные древнепермские традиции; в этническом массиве средней полосы Прикамья большую часть населения составляли угорские племена; в южных районах расселились преимущественно тюркские племена³⁵. Топонимия свидетельствует, например, о том, что население Среднего Прикамья (угры, башкиры?) находилось в тесном контакте с южными удмуртами. Географические названия, которыми пользовалось смешанное угро-удмуртское население Среднего Прикамья, оказывались родственными топонимам бассейна Чепцы, северной части современной Удмуртии и Верхнего Прикамья.

Передвижение смешанного населения из бассейна Чепцы могло проходить по рекам, текущим на восток, — Иньве, Косе и Каме, а также по Кайскому волоку. Переселение угров из Приуралья и Зауралья в западном направлении происходило, видимо, по Вишере, Язьве, Яйве, Чусовой. Интересно, что на один из таких путей указывает коми-пермяцкий фольклор.

Богатырь Кудым-Ош решает породниться с вогульским князем, чтобы положить конец вогуло-татарским набегам. Он едет просить руки вогульской княжны Костö. Путь богатыря обозначен реками Иньвой, Камой, Яйвой. Имя невесты напоминает о связи манси с сибирскими тюрками (в хакасском языке есть женское имя Хыста).

Угорские названия чаще всего встречаются по сосед-

 ³⁵ См.: «История Урала». Т. 1. Пермь, Кн. изд-во, 1963, стр. 29—30.

ству с топонимами, в основе которых тюркские или удмуртские слова. Так, в Гайнском районе есть озеро *Вахты*, первая часть топонима напоминает название правого притока Оби *Вах*, где живут ваховские ханты. В Кочевском районе часть деревни *Кышки* носит название *Манчи*, а *манси* — самоназвание народа. В Усольском районе (бассейн Уролки) есть такие названия деревень, как *Вогулята* (иногда *Гогулята*), в основе которых русский дореволюционный этноним *вогуличи* (*гогуличи*), то есть манси.

Больше всего угорских (мансийских) названий обнаруживается на северо-востоке Пермской области, где угры оказывались непосредственными соседями коми и русских. Например: *Ойка-Чакур* — 'мужчина-гора', *Сампыл-Чахль* — 'Одноглазый (прозвище) гора'. В местах соприкосновения народов возникали дублетные названия: *Яхтелья-Нер* — *Тулымский Камень*; *Чульпаль-Нер* — *Чувальский Камень*³⁶.

Встречаются мансийские названия и в ряде мест района Чердыни, причем нередко в коми-мансийском скрещенном виде: *Люнва* (*лунь* — 'низовье реки, на севере'), *Люльва* (*люль* — 'плохой, приносящий несчастье'), *Козпты* (*козп* — 'барабан'). Первая часть гидронима *Язьва* происходит, по-видимому, из языка манси, так как *яс* в этом языке — 'колея, тропа, русло большой реки' (современное коми-язьвинское название *Йӧдз* может быть и другого происхождения). Название левого притока Язьвы *Мель* правомерно сблизать с хантыйским *мель* — 'глубокий' (один из притоков Обвы имеет сходное название — *Мельва*).

Особо следует остановиться на топониме *Йӧг* (в русских источниках *Егва*). С помощью коми языка (*йӧг* — 'нарост на дереве, рыбачий огонек на реке') это название не получает удовлетворительного объяснения. Более убедительной представляется связь гидронима *Йӧг* с хантыйским географическим термином *йыгей* (*йыг* — 'река') или марийским *йогы* ('течение'). В связи с этим любопытно, что гидроним *Егва* в народе произносят до сих пор без *-ва*.

□³⁶ Названия приведены по работе И. Я. Кривошекова (И. Я. Кривошеков. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914).

Таким образом, топонимический материал не дает основания утверждать, что в древности вся территория Среднего и Верхнего Прикамья была занята угорскими племенами и что в ее топонимии следует обязательно искать древний угорский слой, послуживший якобы основой для последующего пермского пласта. Можно говорить лишь о неоднократных проникновениях отдельных групп мансийского или хантыйского народа в зону сплошного пермского населения. Этим и обусловлено наличие отдельных угорских вкраплений в общей массе названий пермского (коми-пермяцкого) происхождения. Местные топонимические типы от этого пострадали мало.

Пермские народы, проживавшие в Прикамье в течение тысячелетий, создали богатую и разнообразную систему топонимии. Анализ ее позволяет, конечно в очень общих чертах, воссоздать картину жизни древних племен, говоривших на диалектах общепермского языка-основы, проследить, как усложнялась их трудовая деятельность, обогащалась материальная и духовная культура.

Прапермяне жили около больших водоемов, на высоких обрывистых берегах. Место их поселения носило название *кар*. Топонимы отразили в себе эту сторону быта людей (сравните названия *Важкар, Камкар*). Названия зверей, птиц и рыб (охота и рыбная ловля представляли основное занятие прапермян) нередко становились и именами людей. В этом выразилось желание передать потомкам силу и выносливость зверя, быстроту и легкость птицы, ловкость рыбы, так как борьба человека за свое существование в условиях сурового северного края была поистине нелегкой. Общепермские, общекоми и коми-пермяцкие личные имена, прозвища и фамилии в разные времена вошли в топонимию. Например: *Ур, Ош, Руч, Мбй, Низь, Сюзь, Куч, Сын, Сир, Тыпыл*.

Предки коми-пермяков были суеверны и поклонялись силам природы, обожествляли реки и воду (так появились гидронимы типа *Вежай, Вижай*), у них были знахари и колдуны (таково происхождение фамилий *Тунев, Тунегов*, представленных в топонимии).

На охоте и рыбной ловле прапермяне пользовались доогнестрельной техникой и разными приспособлениями, названия которых также стали топонимами (*Лоч, Водж*). Во время длительной охоты в лесу они устраивали кладовые (от этого произошло название *Тшамья*). Кроме

того, в коми-пермяцкой топонимии нашли отражение названия пород деревьев (*Кыдзва, Сирья, Ойпожум*), особенности рельефа местности (*Керӧс, Чурок, Буждӧм*), способы очистки земель под пашню (*Воль, Оккас, Тыла*).

Таким образом, коми-пермяцкая топонимия отразила все стороны жизни людей древнего Прикамья. Угорские же топонимы не в состоянии этого сделать. Не подтверждают угорскую гипотезу и фамилии. Допуская, что коми пришли в Прикамье только в XVI веке, как думает А. Ф. Теплоухов, мы вправе ожидать обилие основ угорского происхождения в фамилиях. В нашем распоряжении почти полный список фамилий бывших Чердынско-го, Соликамского, Пермского, Кунгурского и отчасти Оханского уездов. Однако среди них явно преобладают фамилии русского, коми или тюркского происхождения. Угорские же буквально единичны: *Палехов* (хантыйское *палех* — 'слюна'. Фамилия произошла, по-видимому, от прозвища *Слюнтяй*), *Юрганов* (*Юрга* — имя знатного югритина). Впрочем, имена на *-га* имеются и у удмуртов.

Угорская гипотеза плохо увязывается и с данными письменных источников. В «Книге Большому чертежу» указывается лишь, что «по тем речкам живут вогуличи по лесам, а селитьбы у них нет». Скучны сведения об уграх и в писцовых и переписных книгах, а также в ревизских сказках Пермской губернии. Не находит поддержки угорская гипотеза и в археологии³⁷.

Следовательно, угры для Верхнего и Среднего Прикамья — пришельцы различных времен. Они растворились в местном населении и не оставили заметных следов ни в топонимии, ни в археологических памятниках.

 ³⁷ См.: В. А. Оборин. О происхождении коми-пермяков. В кн.: «Наш край». Пермь, Кн. изд-во, 1965, стр. 59; Э. А. Савельева. Пермь Вычегодская. М., «Наука», 1971, стр. 175—181; А. К. Матвеев. О древнейших местах расселения угорских народов. Труды Камской археологической экспедиции. Уч. зап. ПГУ, № 191. Пермь, 1968, стр. 135—146.

азличные тюркские народы были непосредственными соседями предков удмуртов и коми. Они неоднократно проникали в Среднее и Верхнее Прикамье как со стороны южных степей, так и из Западной Сибири. Часть топонимов с исходом

-*ылм*, -*ум*, изредка встречающихся в Верхнем Прикамье, на западе Кировской области, на севере Удмуртской АССР и в бассейне верхней Вычегды, попала в пермские языки, как нам представляется, еще в древнетюркское время³⁸.

Большинство ученых связывает топонимы на -*ылм*, -*ум* с угорским источником³⁹. А. К. Матвеев, не отвергая возможности угорского (мансийского) происхождения некоторых названий на -*ылм*, -*ум*, допускает также, что приуральские топонимы с указанными формантами могли иметь истоки и в языках финской группы финно-угорской семьи⁴⁰.

 ³⁸ Древнетюркская эпоха, по В. И. Лыткину, охватывала период с I тысячелетия до нашей эры по I тысячелетие нашей эры и совпадала с существованием общепермского языка-основы; среднетюркская — X—XV, новая — XV—XIX века.

³⁹ См.: Б. А. Серебряников. К проблеме этнической принадлежности древнего населения Вычегды (по данным гидронимии). В сб.: «Вопросы финно-угорского языкознания». Вып. 3. М., 1966, стр. 26; Е. И. Ромбандеева. Некоторые этимологии мансийских топонимов. Там же, стр. 49; Г. М. Буров. Две основные группы культур бронзового и железного веков на крайнем европейском северо-востоке. V Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов и сообщений. Сыктывкар, 1967, стр. 46; Е. А. Халикова. К вопросу об этнической принадлежности ломоватовских и раннеродановских памятников Верхнего Прикамья. В сб.: «Вопросы финно-угроведения». Вып. 5. Йошкар-Ола, 1970, стр. 301.

⁴⁰ См.: А. К. Матвеев. Угорская гипотеза и некоторые проблемы изучения субстратной топонимики русского Севера. В сб.: «Вопросы финно-угроведения». Вып. 5. Йошкар-Ола, 1970, стр. 119.

Гипотеза о том, что все топонимы на *-ым, -им* на территории Западного Урала были унаследованы пермским населением от угров, нам представляется тоже несостоятельной.

Сторонники угорской гипотезы происхождения названий на *-ым, -им* в качестве одного из аргументов обычно выставляют наличие в угорских языках отглагольных имен (отглагольных существительных, причастий прошедшего времени). Причастия мансийские на *-ум, -юм, -ам*: *унттум* — 'строивший', *ханьсюм* — 'отгадавший' и хантыйские на *-ым, -ем, -эм, -м*: *пыкеэм* — 'сгнивший', *йыгэтым* — 'расстрелянный' — могут употребляться и в значении существительных, обозначающих имя действия. Например, в мансийском *унттум* — 'строительство', *ханьсюм* — 'отгадка'; в хантыйском *велим* — 'убийство', *йыгэтым* — 'стрельба', *кулам* — 'смерть'.

Но отглагольные имена с *м-овыми* суффиксами имеют и в пермских языках. В языке коми, например, *вийџм* — 'убитый, убийство', *кулџм* — 'умерший, смерть', *лэбтџм* — 'поднятый, подъем'. Топонимы, образованные от отглагольных имен, не могут быть древними (на территории пермских народов допермскими, докоми). Отглагольные имена отражают какое-либо событие, случай, иначе говоря, являются ocasionальными. Их употребляют обычно в сочетании с другими словами, зависящими от имени, и относят к микропонимам.

Свойство микропонимов — недолговечность. Например, названия на *-џм* в коми языке беспрерывно меняются: их вытесняют другие отглагольные имена, обозначающие новое действие, новый, более актуальный для современников случай.

Разумеется, какая-то часть названий на *-ым, -им*, особенно на территории манси и ханты, может иметь угорское происхождение, например первые части топонимов (типа *Хулюм-Я* — 'сезонная река со слабым течением'), которые являются по происхождению отглагольными именами.

Вероятной представляется и возможность происхождения названий на *-ым, -им* от угорских причастий прошедшего времени. Такие слова легко могли стать прозвищами людей, а прозвища, как известно, нередко входят в топонимию.

При осмыслении названий на *-ым, -им* нельзя обойти

и тот бесспорный факт, что в тюркских языках встречаются антропонимы на *-ым, -им*: *Касим, Валим* (иногда *Волим*), *Тасим, Казым, Салим, Назым, Кадым, Надым, Айтым*. Такие имена могли войти в топонимию через тюрков, угров, отюркившихся угров, пользовавшихся тюркскими именами. Антропонимы в финно-угорских языках, например в коми, как и в тюркских, входят в топонимию без форманта. Скажем, обосновался на данном месте Салим. Это место так и будет называться — *Салим, Салым* или *Солым*, в зависимости от особенностей местного произношения.

Кроме того, известная часть географических названий на *-ым, -им* может восходить к тюркским географическим терминам. Например, такие топонимы, как *Тарым, Ирим*, имеют, несомненно, тюркское происхождение. Они полностью совпадают с нарицательными *тарим* — 'приток реки', *ирим* — 'озеро на месте старицы'.

В более поздние времена тюрки, попав на Урал, в Прикамье, могли приблизить к указанным моделям и слова, воспринятые от местного населения. Например, варианты названия *Перми* (коми-пермяцкое *Перемь*) *Перым, Перим* появились, видимо, тоже под влиянием языка тюркского типа. Об этом, в частности, говорит варьирование гласных, похожее на гармонию гласных, которая встречается в тюркских языках.

Иногда под топонимом, например *Кырым*, имеющим тюркское облачение, в Верхнем Прикамье может скрываться и коми основа *кырѳм* — 'обрыв, ров, размыв, промоина'.

Со временем топонимический тип на *-ым, -им* окреп за счет слов из различных источников (пермский, позднетюркский). Под этот тип нередко подводят непохожие названия и в наши дни. Например, коми-пермяцкое *Буждѳм* (Косинский район) в ряде документов записано как *Буждым*, в то время как в Кудымкарском районе *Буждѳм* бытует в прежнем виде, сохранив прозрачным первоначальное значение — 'обрыв'. Топоним *Ойпожум* — 'Северная Сосна' встречается иногда в форме *Ойпожым, Ойпожим*.

Таким образом, названия Пермской области, объединяемые в настоящее время в одну группу на основе сходства конечного элемента *-ым, -им*, восходят в значительной части к разным языковым источникам. Можно с уве-

ренностью сказать, что многие из них вошли в русский язык через тюркскую обработку⁴¹.

Есть основания связывать с древнетюркским пластом и такие названия, как *Тулпан*, *Сылпан*, *Шайдур*. Топоним *Сылпан*, например, встречается уже в предании о Кудым-Оше. На Сылпан-горе жило чудское племя, впоследствии переселившееся в Кудымово городище. По звучанию *Сылпан* близок к башкирскому антропониму *Сулпан*. На Сылпане долгое время существовало селение *Шайдурово (Шайдыр)*, в 1834 году в нем было семь семей Шайдуриных. Имя *Шайдур (Шайду)* известно тюркским языкам, хотя оно могло быть занесено сюда и удмуртами. В окрестностях Сылпана имеются также следы удмуртов — там есть деревня *Вырово (выр по-удмуртски означает 'холм, возвышенность')*.

Проникновение южных племен вызвало, видимо, перемещение части пермского населения в более северные районы. В середине II тысячелетия коми-пермяки были больше сосредоточены в низовьях Вишеры и в бассейне Колвы. Не случайно здесь и возникли центр Перми Великой город Чердынь и другие населенные пункты.

В XIII веке Волжская Болгария была покорена Золотой Ордой. Часть ее населения, теснимая завоевателями, бежала в Среднее и Верхнее Прикамье. (Напомним, что в состав Волжской Болгарии входили территории местных племен — предков марийского, мордовского, удмуртского, а может быть, и угорского народов⁴².) Очевидно, именно в это время, то есть в XIII—XV веках, в северных районах нынешней Пермской области появились названия (*Алач*, *Яльпач*, *Бурмат*), сходные с именами древних чувашей, земли которых тоже входили в состав Волжской Болгарии. Болгары того периода оставили названия в основе с этнонимом *Болгары* (Пермский и Очерский районы), *Болгарская гора* (Пермский район). Возможно, болгарское происхождение имеет название *Пус*, зафиксиро-

□⁴¹ См.: А. С. Кривошскова-Гантман. Об одной топонимической загадке. В сб.: «Ономастика Поволжья». Горький, 1971, стр. 224—233.

⁴² В истории известен факт, что венгерский монах Юлиан в XII веке посетил столицу Волжской Болгарии и говорил на венгерском (надо понимать древнеугорском) языке. Это позволяет думать, что в XIII—XIV веках угры средней Волги еще сохраняли языковой признак, хотя, видимо, были уже значительно тюркизированы.

рованное М. Кайсаровым. Оно встречается неоднократно: починок *Пус* на Сыпане около Янидора, деревня *Пус* в Косинском районе; *пус* вошло и в название деревни *Пускипа* (ныне *Пуксиб*). Эти топонимы были, очевидно, созданы болгарами или южными народами, знавшими болгарский язык (болгарское *пус*, *пос* и чувашское *поса*, *пуса* переводятся одинаково — 'поле').

Обновление населения Среднего и Верхнего Прикамья, как уже говорилось, происходило и за счет племен, пришедших из Западной Сибири и, кроме того, по видимому, из Средней Азии. Совместно с тюрками-кочевниками проникали сюда самодийцы и приобские угры.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в ареале топонимии, принесенной западносибирскими тюрками, попадают названия, сходные с кетскими⁴³. Возможно, их занесли сюда не сами кеты, а тюрки (хакасы?), воспринявшие кетские названия. Они переделали древнее коми название *Кива* в *Кизис* (*Кисес* на языке сымских кетов Западной Сибири — 'новая река')⁴⁴. Убедительным выглядит объяснение и гидронима *Лытва*, притока Вильвы, с помощью кетского языка (кетское *лыт* — 'гора'). Притоки *Лытвы* имеют тоже неместные названия — *Урса* и *Кышга* (тюрко-угорские?).

С кетскими названиями сходны и некоторые гидронимы с исходом *-ыл* (*Косыл*, *Исыл*, *Оныл*). С помощью коми языка их не расшифровать. А между тем название *Ис* встречается как самостоятельный гидроним (Свердловская область); формант *-ыл*, возможно, связан с кетским *ул* — 'река'; *Оныл* напоминает имбатско-кетское *Онес*, где *һон*, *һопе* — 'малая река'. Коми-пермяки этот непонятный гидроним переделали в *Нылва*. Любопытно, что на ее берегу стоит село *Пелым*, село с таким же названием есть на реке Тавде.

Топонимика существенно дополняет археологию, так как имеет дело с названиями, а они — постоянные спут-

□⁴³ Кеты — уже малочисленная народность, проживающая по берегам Енисея и его притокам — Сыму, Дубчесу, Елогую, Курейке. По генеалогической классификации кетский язык занимает особое место, но его нередко причисляют к палеоазиатским. (См.: Л. П. Дульзон. Кетский язык. Томск, 1968, стр. 7.)

⁴⁴ Кетские примеры приведены по работе Л. П. Дульзона (Л. П. Дульзон. Былое расселение кетов по данным топонимики. В сб.: «Географические названия». М., Географгиз, 1962).

ники любого этнического объединения: племени, народа, нации ⁴⁵.

Топонимы с тюркскими основами, занесенные не только самими тюрками, но и другими народами Поволжья и Западной Сибири, встречаются почти по всей Пермской области. Наибольшее количество их (иногда в смешанном виде с русскими названиями) в Октябрьском, Куединском, Бардымском, Осинском, Суксунском, Уинском и Чернушинском районах.

Во многих названиях с тюркскими основами можно выделить личные имена и прозвища, а также этнонимы: *Касимка*, *Касимовка*, *Касимово* (имя *Касим*), *Батуево* (имена *Батый*, *Батуй*), *Булатовка* (*Булат*), *Канабеково* (*Канабек*), *Курманаево* (*Курманай*), *Бердыкаево* (*Бердыкай*), *Юлаево* (*Юлай*), *Исламово* (*Ислам*), *Шайтаново* (*Шайтан*), *Камаи* (*Камай*), *Баяндино* (*Баяндай*), *Терси* (от *терчи* — 'батрак'), *Тарабаево* (*Тарабай*), *Тарнабаево* (*Тарнабай*), *Култаево* (*Култай*), *Лысманово* (*Лысман*).

Нередко основы тюркских топонимов совпадают с географическими терминами, названиями деревьев: *Карагай*, *Карагашка* (*карагай* — 'сосна'), *Кармала* (*карма* — 'вяз'), *Урманово* (*урман* — 'лес'), *Усаклы* (*усак* — 'осина'), *Шорша* (*шаршы* по-башкирски — 'быстрина', а *шыршы* — 'ель'), *Уй* (*уй* — 'горная долина'), *Черемшанка* (*черемша* — 'темный лес'), *Таз* (*таз*, *саз* — 'болото'), *Бырма* (*бурма* по-казахски — 'гора, поворот'), *Кабак* (*кабак* — 'высокий берег, обрыв'), *Булак* (*булак* — 'родник').

В районах сгущения тюркских и тюрко-угорских названий имеются и фамилии с тюркскими основами: *Кунакбаев*, *Рахмангулов*, *Абушахменев*, *Гумеров*, *Бачурин*, *Кучумов*, *Булатов*. Фамилии с тюркскими основами изредка встречаются и в Верхнем Прикамье. Их носителями являются русские или коми. В Юсьвинском районе есть фамилии *Туляев* (*Тудей* — тюркское имя), *Батаев* (*Батай*), *Колыхматов* (*Кулыхмат*), *Кылосов* (*Кылысбай*), *Сюркаев* (*Сюрка*), *Баталов* (*Баттал*), *Баяндин* (*Баяндай*), *Ботев* (*Ботий*, *Боти*), *Кольчурин* (*Кольчура*),

□ ⁴⁵ См.: А. И. Попов. Топонимика Белозерского края. Уч. зап. ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Вып. 2. Л., 1958, стр. 165.

Туркин (Турка), Надымов (Надым), Батуев (Батуй), Салтанов (Салтан), Бормонтов, Бурмантов (Бурмантай).

Не надо удивляться, что фамилии с тюркскими основами встречаются там, где нет сейчас тюркского населения. Имена, легшие в основу таких фамилий, попадали в Верхнее Прикамье нередко через северных удмуртов, которые заимствовали их у каринских татар, оказавшихся в бассейне Чепцы с XIV века, и бесермян⁴⁶, носивших в основном тюркские и мусульманские имена⁴⁷. Кроме того, как отмечает Ю. А. Федосюк, тюркские имена долгое время были весьма популярны и среди русских⁴⁸. То же самое можно сказать и о коми-пермяках. Они долгое время находились в тесном контакте с южными соседями и, надо полагать, нередко пользовались их именами. Часть таких имен коми-пермяки донесли до момента образования фамилий. В качестве прозвищ тюркские имена до сих пор бытуют в Коми-Пермяцком национальном округе.

Топонимы с тюркскими основами, как и другие иноязычные названия, вошли в общий топонимический фонд Пермской области. Они нередко оформлены с помощью словообразовательных средств русского языка. Таковы названия *Канабеки, Канабеково, Карабац, Юлтыбаево, Бердыкаево, Курманаево, Юлаево, Бикбаево, Уразметьево, Башкултаево.*

□⁴⁶ Бесермяне — этническая группа удмуртов и потомков волжских болгар, проживающих в Балеинском, Юкаменском и Глазовском районах Удмуртской АССР.

⁴⁷ См.: Т. И. Тепляшина. О древнеудмуртских личных именах. «Советское финно-угроведение», 1969, № 1, стр. 51.

⁴⁸ См.: Ю. А. Федосюк. Русские фамилии. М., «Детская литература», 1972, стр. 9.

топонимии Пермской области значительный пласт образуют русские названия. Термины «русское географическое название», «русский топоним» встречаются в литературе в двух значениях. В широком смысле русскими являются топо-

нимы, не только образованные от исконно русских основ с помощью словообразовательных средств русского языка, но и многочисленные заимствования, испытавшие ту или иную обработку со стороны русского языка, словом, все топонимы, имеющие фонетическую и грамматическую форму русского языка и встречающиеся среди русских. Так, в русский топонимический фонд Пермской области правомерно включать многочисленные названия Коми-Пермяцкого округа, а также татарских и башкирских селений южных районов области, вошедшие после русской обработки в официальные источники. В то же время все эти названия не перестали быть достоянием национального топонимического фонда. Например, официальное название коми-пермяцкой деревни *Нёпино* можно считать русским топонимом: оно не только представлено в документах, но и имеет словообразовательные признаки русского слова. Коми-пермяки чаще пользуются национальным вариантом *Нён*, *Нёпин* (*нён* — 'низина').

В этой книге есть специальные разделы о коми-пермяцких, удмуртских, угорских, тюркских топонимах, что освобождает нас от рассмотрения русской топонимии в широком смысле. Тогда бы русские названия растворились в массе иноязычных по происхождению топонимов, неизбежны были бы повторы отдельных положений, касающихся топонимических пластов по их языковой принадлежности.

Официальной датой присоединения Перми Великой к

Московскому государству считается 1472 год. Однако русским Прикамье было известно задолго до этого. Есть основания полагать, что русское население начало проникать в прикамские леса значительно раньше.

Заселение края, согласно письменным источникам, началось с Верхнего Прикамья — низовьев Колвы и Вишеры. Отсюда колонизация шла на юг. «Основную часть переселенцев составляли выходцы из северных и поморских городов: Вологды, Тотьмы, Устюга Великого, Белозера, Холмогор, Каргополя, Сольвычегодска. Большинство их селилось в Верхнем Прикамье. Меньшая часть переселенцев — это выходцы из центральных областей и Поволжья, оседавшие в основном в Среднем и Нижнем Прикамье»⁴⁹. Места прежнего обитания пришельцев достаточно полно отражены в их фамилиях: *Вяткин, Вятчанин, Вятчанинов, Белозеров, Белозерцев, Вагин, Ветлугин, Вылежанин, Вычужжанин, Вологдин, Вологжанин, Вычегдин, Галичанин, Двинянинов, Казанцев, Кобрин, Колмогоров, Колмогорцев, Каргопольцев, Лалетин, Москалев, Мезенцев, Московитин, Немтин, Нижногородов, Навгородцев, Поморцев, Пинягин, Пинежанин, Подвинцев, Тверитинов, Тотьмянин, Сысолятин, Сысолетин, Углицких, Устюгов, Устюжанин, Устюжанцев, Южанин, Южанинов*⁵⁰.

Переселенцы чаще занимали обжитые места. Встречу местных жителей с русскими в какой-то степени воскрешает небольшая книга А. П. Ромашова «Земля для всех». В ней автор повествует о том, что коми-пермяки и русские были всегда вместе, помогали друг другу бороться с трудностями в условиях сурового лесного края. Приведем отрывок из книги:

«Другодеревенцы тянулись гуськом. Впереди всех маленький Туанко, потом старший Сюзь с сыном, с топорами оба, за ними три бабы, у баб за плечами пестери.

Старый Сюзь вышел из лога. Кондратий низко поклонился ему, взял у Татьяны туесок с медовым квасом, подал:

— Ю жö, выпей, большой хозяин. Выпей!

□ ⁴⁹ История Урала. Т. 1. Пермь, Ки. изд-во, 1963, стр. 56.

⁵⁰ Фамилии выписаны в том виде, в каком они представлены в ревизских сказках XIX века. Хранятся в Государственном архиве Пермской области. Ф. 111, оп. 1.

Старый Сюзь напился и отдал туесок Татьяне.

— Ю жё, матушка, испей, — поклонилась Татьяна большой хозяйке ултыра, протягивая туесок с квасом, — устала небось.

Старая Окинь отпила, улыбнулась ей и прошептала беззубым ртом:

— Ог ме...

Татьяна приняла от нее туесок, стала поить остальных, косясь на девок. Устя обнимала Вету, внучку старого Сюзья»⁵¹.

Автор старается оживить тот период в коми-пермяцко-русских отношениях, когда в Прикамье прибывали еще простые люди, стараясь скрыться в ее необъятных лесах от помещичьего гнета, тяжелых поборов. Это так называемая народная, крестьянская колонизация, носившая мирный характер и способствовавшая культурному сближению коми-пермяков с русскими.

Русская топонимия в Прикамье пока слабо изучена, специальных работ мало, да и те, что имеются, посвящены частным вопросам⁵². Наиболее значительно исследование В. А. Оборина⁵³. Проанализировав все полные тексты писцовых книг почти на всей территории Перми Великой, автор приходит к выводу, что большая часть естественно-географических объектов к этому периоду была уже названа. Об этом, в частности, говорят и следующие факты. На карте Пермской области 1956 года в пределах Чердынского и Ныробского районов зафиксировано восемьдесят гидронимов, из них с исконно русскими корнями и суффиксами только девять: *Еловка, Березовка* (два названия), *Ларевка, Жерновка, Ольховка, Рассоха, Березовая, Кременная*. Все остальные относятся к дорус-

□⁵¹ А. П. Ромашов. Земля для всех. Пермь, Кн. изд-во, 1963, стр. 12—13.

⁵² См.: Н. И. Тарасова. Названия населенных пунктов Пермской области на -ата, -ята; Ю. Г. Вылежнев. К вопросу о современном распространении топонимов типа *Заберезник, Подгора* на территории Пермской области. «Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Тезисы». Л., 1965; Е. Н. Полякова. Топонимия с. Акчим. В сб.: «Географические названия Прикамья». Пермь, Кн. изд-во, 1968.

⁵³ См.: В. А. Оборин. Русская топонимия писцовых книг Прикамья XVI—XVII вв. В сб.: «Географические названия Прикамья». Пермь, Кн. изд-во, 1968.

ским пластам. В их числе восемь имеют морфологические признаки русского языка: *Луньевка, Лызовка, Чишева, Тумская, Чепец, Вишерка, Вижаиха, Уролка*. Остальные полностью не адаптированы русским языком. В них выступают фонетические, словообразовательные и другие «родимые пятна» языка-источника. Например: *Джурич, Толыч, Сумич, Ялпач, Вурда-Ель, Кельтма, Лопья, Визесья, Айя, Сурья, Расья, Ошья, Сарья, Инья, Пож, Уч, Неч, Интым, Тимшер, Нюзим, Колва, Еньва, Вижай, Кумай, Немыд, Солман, Волим, Няризь, Байдач, Бырким, Бубыл, Тулпан, Кысьва, Пыдол, Зерна*.

На менее подробной карте Пермской области 1966 года на этой же территории всего десять гидронимов, из них девять относятся к дорусскому пласту: *Колва, Кельтма, Пильва, Лопья, Вишерка, Тимшер, Сумыч, Немыд, Вижай*. Один гидроним (*Березовая*) русский.

Полнее, чем карты, отражают гидронимию списки населенных пунктов. В них указаны не только относительно крупные, но и малые реки и ручьи. Так, в Верещагинском районе (по спискам населенных пунктов Уральской области 1928 года) насчитывается семьдесят пять гидронимов. Большинство из них (пятьдесят семь) создано из слов русского языка: *Талая, Боровая, Мутная, Косая, Ольховка, Хмелевка, Березовая, Черновка, Каменка, Дикарка, Снегиревка, Неумоевка, Умываевка, Заболотинка* и другие. На географические карты такие названия не попали. Но неверно было бы думать, что все небольшие реки и ручьи впервые получили названия от русских. Многие из них были известны в дорусский период. Просто новые поселенцы заменили старые названия новыми. Часто в основу названия небольшого объекта попадала фамилия или имя крестьянина, имевшего здесь свой участок. Таковы *Мартыновка, Тарасовка, Мосенка, Никулинка, Афонинская, Софоновская*. Восемнадцать названий создало дорусское население. Это более значительные реки: *Обва, Лысьва, Нытва, Вож* и другие.

Таким образом, к приходу русских крупные географические объекты уже имели названия. Однако это нельзя понимать так, что предки коми-пермяков, оказавшиеся здесь до русских, успели дать названия наиболее крупным географическим объектам, а русским осталось лишь наименовать малые объекты. В. А. Никонов разъясняет, что объекты разного порядка человек осваивал

неодновременно⁵⁴. Прежде всего оказывались заселенными бассейны относительно крупных рек, а потом в поисках незанятых земель люди осваивали и малые реки. Со сменой населения названия крупных объектов менялись редко.

Освоение Прикамья русскими протекало в основном мирно. У местных племен еще не было государственных границ. Два дружественных народа, русские и коми-пермяки, тяготели друг к другу. Длительное двуязычие, установившееся с приходом русского населения, способствовало более или менее полному перенесению в русский язык местной топонимии. Этим и объясняется, что дорусские названия в Прикамье в основном хорошо сохранились. Многие коми-пермяцкие и другие слова вошли в русский язык в своем первоначальном виде: *Камгорт, Вильгорт, Ошвож, Сюзьва, Сива*. Но поскольку коми-пермяцкий и русский языки отличаются по своему строю и фонетике, значительное количество коми-пермяцких топонимов подверглось обработке, пока не стало звучать совсем по-русски. Это обстоятельство заставляет нас специально остановиться на законах освоения коми-пермяцких названий русским языком.

ОСВОЕНИЕ РУССКИМ ЯЗЫКОМ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ НАЗВАНИЙ

Освоение заимствованных топонимов — это прежде всего подчинение их грамматическому и фонетическому строю заимствующего языка. Освоенные слова становятся незаметными. Их произносят и изменяют по законам воспринявшего языка и включают в соответствующие группы слов. Былую чужезычность таких слов можно обнаружить только этимологическим анализом.

Началом освоения иноязычных топонимов является их звуковое приспособление (адаптация). Оно состоит в том, что необычные звуки языка-источника заменяют более или менее сходными звуками заимствующего языка. Так между языками возникают звукосоответствия. Их

 ⁵⁴ См.: В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., «Наука», 1965, стр. 48.

учет очень важен при этимологизировании и определении языковой принадлежности географического названия.

Остановимся на некоторых фонетических соответствиях коми-пермяцкого и русского языков:

1) коми гласному *ö* (среднего ряда среднего подъема языка) в русском соответствует *o* или *e*. Так, слова *Мөддорб*, *Льёмва*, *Көчшор* по-русски звучат *Модоробка*, *Лемва*, *Кечшор*. Звукосочетание *йö* в коми словах, например *Дйöг*, *Йöгва*, в русском письме передают с помощью *e*, *ё*, то есть пишут *Доег*, *Ёгва*;

2) коми *ы* часто, особенно после мягких согласных, переходит в *и*. Например: *Ошыб*, *Чойыыл*, *Вильыб* (в русском — *Ошиб*, *Чойил*, *Вильиб*);

3) коми-пермяцкие аффрикаты, то есть слитные звуки, передают следующим образом: звуку *дз* в русском соответствует *зъ* или *ч* (*Чадзöв* — *Чазево*, *Ульвидз* — *Ульвич*); звуку *дж* — *ж* (*Джынтуй* — *Жинтуй*, *Ыджытшор* — *Ижитшор*); звуку *тш* — *ч* (*Кутш* — *Куч*, *Метшкөр* — *Мечкор*);

4) заударный звук *o* коми языка в некоторых сложных названиях переходит в русское *e* (*Тышор* — *Тышер*, *Сивашор* — *Сивашер*).

Мы перечислили далеко не все звукосоответствия, которые должен знать топонимист-исследователь. Строгий учет таких закономерностей поможет избежать многих ошибок. Например, при объяснении гидронима *Ёгва* из русского написания можно возвести его к нарицательному коми слову *йöг* — 'сор, мусор'. Если же прислушаться к местному произношению *йöг*, то этимология слова окажется иной: *йöг* в разных коми говорах означает 'на рост на дереве, шишка, огонек рыбаков на реке, бугорок'. Наконец, если этот гидроним рассматривать в связи с другими финно-угорскими языками, учитывая при этом более древние звуковые законы (например, сужение гласных в пермских языках), а также имевшие место в прошлом контакты коми с другими народами, то перед исследователем откроются возможности сближения *Йöг* с хантыйским *йыгей* (*йыг* — 'река'), марийским *йогы* — 'течение, поток'.

Приспособление коми-пермяцких названий к русскому языку касалось не только фонетической стороны.

Займствованные топонимы нередко подвергали и морфологическому освоению. При этом слова утрачивали грамматические приметы языка-источника, и воспринятые названия приобретали морфологические признаки русского языка. Коми-пермяцкие названия получали прежде всего значение рода. Топоним подводили под тот род, который подсказывало русское название географического объекта: слово «река» женского рода, следовательно, и название реки получало приметы этого же рода. Морфологическая адаптация происходила неравномерно, неодинаковыми были и средства приобщения коми-пермяцких топонимов к категориям русского языка.

Менее всего соответствовали именам женского рода коми-пермяцкие гидронимы, оканчивающиеся на твердый согласный, поэтому к ним нередко присоединяли русский гидронимический суффикс *-ка*. Так *Изъяшор* превратился в *Изъящерка*, *Пыскор* в *Пыскорка*. Суффикс *-ка* выступал иногда в осложненных вариантах. Таковы *Бурдовка*, *Кыновка*, *Мошевка*, *Кыровка*.

Часто основы слов коми-пермяцкого происхождения получали оформление с помощью *-ы*, *-и*: *Сюзи*, *Волеги*, *Малямышы*, *Гачеги*, *Сырчики*. В конце непрямых коми гидронимов, оканчивавшихся на согласный звук, в письме нередко появлялся мягкий знак: *Лочь*, *Кучь*, *Обь*, *Ручь*. Но оставались названия *Сын*, *Буб*.

Наиболее подходящими для русского языка оказались названия с исходом *-ва*: *Кизьва*, *Лымва*, *Язьва*. Они напоминали краткие прилагательные русского языка в форме женского рода или имена существительные на *-а* и в большинстве случаев оставались без изменения. Только коми-пермяцкое *Чусва*, в русских говорах *Чусова*, было изменено в *Чусовая*.

На базе займствованных топонимов впоследствии возникали новые названия, например уменьшительные: *Сылвица* (от *Сылва*), *Мошевица* (*Мошва*), *Юсьвянка* (*Юсьва*), *Сивинка* (*Сива*). Некоторые из освоенных коми-пермяцких названий получали дифференцирующие определения: большой или малый, северный или южный, восточный или западный. Так появились *Черная Сюзьва*, *Белая Сюзьва*, *Северный Чус*, *Полуденный Чус*, *Осиновая Лопва*, *Нилинский Янчер*, *Средняя Сия*, *Восточный Лель*, *Северная Кельтма*, *Южная Кельтма*, *Северный Колчим*, *Полуденный Колчим*.

Чисто русские названия, как уже говорилось, возникали там, где русские поселялись на еще необжитых местах. А таких необжитых или слабо заселенных мест в Прикамье было очень много.

Русские поселенцы, создавая новые названия, сосредоточивали внимание на том или ином признаке объекта. Основой топонима нередко становились имена, прозвища или фамилии первопоселенцев, владельцев участков. Письменные источники дают богатый материал о связи топонимов с местными антропонимами. Так, в деревне *Медведево* Кунгурского уезда в 1834 году было девять семей с фамилией Медведев, в деревне *Некрасовы* Пермского уезда — шесть семей Некрасовых, в *Щёткино* — шестнадцать семей Щёткиных, в *Субботино* — двадцать семей Субботиных.

Очень распространено в русской топонимии также образование топонимов из географических терминов: *Гора, Слудка, Грива, Гуменцы, Камень, Заозерье, Кулига, Падун, Прорыв, Просека, Полянка, Ключи, Увалы, Косогор, Чертеж, Бутырки*.

В советское время распространились названия-символы и названия-посвящения: *Заря, Дружба, Путь Коммунизма, имени Клары Цеткин, Ленинск*, которые чаще присваивают колхозам и совхозам.

По структурным особенностям топонимы русского происхождения разделяют на следующие группы: 1) суффиксальные, или образованные с помощью того или иного суффикса. Например: *Большуха, Пирогово, Ванино*; 2) бессуффиксальные, когда нарицательное слово, нередко географический термин, входит в топонимию без форманта. Таковы *Мыс, Гора, Полóm, Культура, Труд*; 3) образовавшиеся в результате субстантивации — перехода прилагательного в существительное. Например: *Светлый, Октябрьский, Васильевское, Кленовский*; 4) созданные путем сложения основ. Таковы *Татари-Чикаши, Ново-Ильинка*; 5) представляющие собой сочетание слов. Например: *Красный Октябрь, Красный Яр, Знамя Труда*.

Чаще все-таки названия образуются с помощью суффиксов. При этом следует иметь в виду, что в топонимии

под суффиксом надо понимать сплав суффикса и окончания: *-ка, -ица, -ово (-ево)*. Такой грамматический сплав принято называть формантом или топонимическим суффиксом. Часть топонима, стоящая перед формантом, называется топонимической основой. При выделении основы топонимов нельзя игнорировать ступени топонимообразования (таблица).

Ступени топонимообразования

Топоним	Антропонимы				Нарицательное слово
	Фамилия	Отчество	Имя	Прозвище	
Иванов-ка	Иванов	Иванов (сын)	Иван	—	—
Иван-овка	—	—	Иван	—	—
Жеребцов-о	Жеребцов	Жеребцов (сын)	—	Жеребец	жеребец
Вотяков-о	Вотяков	Вотяков (сын)	—	Вотяк	вотяк
Вотяк-ово	—	—	—	Вотяк	вотяк
Городище	—	—	—	—	городище
Мыс	—	—	—	—	мыс

Как правильно заметил В. А. Никонов, у каждого форманта свой ареал, свой очаг сгущения, и в этом отражается история заселения края⁵⁵. Словообразовательный аспект изучения топонимии является одним из наиболее плодотворных. Большая работа по изучению словообразовательной структуры топонимов развернулась в Поволжье, Сибири, на Дальнем Востоке и Алтае. Об этом свидетельствуют, в частности, труды первой и второй ономастических конференций, изданные в Ульяновске (1969) и Горьком (1971).

Знание закономерностей построения топонимов облегчает этимологический анализ, помогает обнажить первоначальный признак, ставший основой наименования.

 ⁵⁵ См.: В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., «Наука», 1965, стр. 77.

А в этом одна из главных задач топонимических исследований. Однако есть и обратная зависимость: чтобы уметь выделить формант, надо знать историю названия. Если известно, что топоним *Лобанов* образован от прозвища *Лобан*, тогда в нем есть формант *-ов*. Если же основой топонима является фамилия *Лобанов*, тогда он бесформантен.

НАЗВАНИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ. Русские названия населенных пунктов в большинстве случаев образованы с помощью суффиксов. По степени продуктивности едва ли не на первое место выдвигаются *-ы*, *-и*, образующие формы множественного числа нарицательных слов. О природе *-ы*, *-и* писали многие⁵⁶, но выделение их в качестве топонимического форманта спорно и сегодня. Некоторые исследователи продолжают рассматривать топонимы на *-ы*, *-и* только как форму множественного числа имен существительных.

Топонимы на *-ы*, *-и* в Пермской области, например в Ильинском районе, составляют почти четвертую часть их общего количества (*Белканы*, *Белки*, *Ежи*, *Елтыши*, *Мухлыги*, *Плеханы*, *Сутяги*, *Броды*, *Ключи*, *Ляды*, *Большаки*, *Малахи*, *Ковали*, *Некрасы*). В основе таких топонимов чаще прозвища, народные имена, реже географические термины. В Коми-Пермяцком округе топонимов на *-ы*, *-и* мало, и встречаются они только в письменных источниках. В разговорном же языке такие названия произносят без *-ы*, *-и*: *Шулаки* (*Шувак*, *Шуак*), *Галюки* (*Галюк*), *Рассохи* (*Росока*), *Балкачи* (*Балкач*), *Гайны* (*Гайна*). В писцовых книгах XVI—XVII веков таких топонимов нет. Очень редки они и в ревизских сказках XIX века. Топонимические суффиксы *-ы*, *-и* — образование недавнего времени.

Интересно сравнить, как изменялись названия населенных пунктов на протяжении длительного времени. Приводим небольшие списки по двум сельским Советам Ильинского района по годам (стр. 68).

Модель топонимов на *-ы*, *-и* укрепилась в Ильинском районе и заняла господствующее место только в послед-

⁵⁶ См.: В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., «Наука», 1965, стр. 96.

Филатовский сельсовет
(бывшая Филатовская волость)

Починок Орловский (две семьи Орловых)	Деревня Орлы	Деревня Орлы
Деревня Ромашево (четыре семьи Рома- шевых)	„ Ромашы	„ Ромашы
Починок Некрасово	„ Некрасова	„ Некрасовы
Дер. Малоземова	„ Малоземы	„ Малоземы

Сретенский сельсовет
(бывшая Сретенская волость)

Деревня Ерголас	Деревня Ерголасы	Деревня Ерголасы
„ Гачегова	„ Гачегова	„ Гачеги
Починок Колыба- ловского	„ Колыбалов- ский	„ Колыбалы
Деревня Бутканова	Деревня Бутканова	Деревня Бутканы
„ Полоротова	„ Полоротова	„ Полороты

ние годы. Тем не менее, некоторые исследователи подчеркивают, что такие топонимы довольно древни⁵⁷.

Во многих местах Пермской области до сих пор сохранились родовые прозвания на *-ы, -и*, бытующие наряду с фамилиями. Например, в селе Искоре некоторые жители с фамилией Нагорских имеют прозвание *Савичевы*, у Пешехоновых два рода — *Пешехоновы* и *Ивановы*, а Ивачевых и Чебиных относят к одному роду *Чебины*. Среди прозвищ села Долды Чердынского района встречаются *Мариники, Тараканы, Васкинцы, Митревчи, Мяны, Наташины, Огрунины* и другие. Из всего сказанного невольно напрашивается предположение, что в истоках современных топонимов на *-ы, -и* лежат прозвища первопоселенцев, превратившиеся в родовые прозвания. Они, как мы знаем, очень устойчивы, особенно в сельской местности. И вполне понятно, что многие из них дошли до нас. Эти родовые прозвания были оформлены в письменных документах дореволюционного времени в качест-

 ⁵⁷ См.: А. И. Лебедева. Словообразование в псковской топонимике. Уч. зап. ЛГУ, № 198. Л., 1956, стр. 49.

ве официальных топонимов по модели: чья деревня? — *Макурина, Некрасова*; чей починок? — *Орловский*. Однако со временем народно-разговорная форма стала преобладать над книжно-официальной. А демократизация языка в годы Советской власти способствовала укреплению модели на *-ы, -и*.

Аналогичные явления отмечены и в топонимии Кировской области. Здесь в некоторых районах, например в Шабалинском, топонимы на *-ы, -и* составляют половину их общего количества. Причем многие названия на *-ово (-ево)* имеют параллельную разговорную форму на *-ы, -и* или без него; *Окатово — Окаты, Скородумово — Скородум*⁵⁸.

Форманты *-ы, -и*, укрепившись в топонимах, производных от антропонимов, стали распространяться на названия, в которых значение множественного числа совершенно ни при чем. С помощью этих суффиксов в русскую топонимию стали включать и иноязычные названия. Все это позволяет считать *-ы, -и* полноправными топонимическими формантами, несмотря на их прошлое. Аналогичное происхождение имеют *-ата (-ята)* и *-цы*.

Мало уступают по распространенности древние общеславянские суффиксы с принадлежностным значением *-ов (-ев), -ово (-ево), -ова (-ева)*. Таковы названия *Амосово, Антропово, Поспелова, Швецова, Медведева, Анферова, Козлово*. Топонимы с такими формантами — в прошлом притяжательные прилагательные — были вызваны к жизни утверждением частной собственности на землю и отвечали на вопрос: кому принадлежит место (пустошь, лес, деревня, село, починок и так далее)? — *Петрово* (место), *Петров* (починок), *Петрова* (пустошь). Этим значением и оправдывается то, что в основе таких топонимов — всегда антропоним.

Форманты *-ин, -ино, -ина* по функции тождественны указанным суффиксам. Они оформляют топонимы тоже исключительно антропонимического происхождения. Различие лишь в том, что их обычно присоединяют к основам на *-а (-я)*: *Аверино* (от *Аверя*), *Алешино* (от *Але-*

[58] См.: Э. Д. Барышникова. Основные структурные типы названий населенных пунктов Шабалинского района Кировской области. В сб.: «Вопросы топонимистики». Свердловск, 1967, стр. 48—53.

ша), а также *Ананьино, Анастасьино, Бородино, Мишино, Сорокино*.

Формант *-ата (-ята)* для наших мест — недавний пришелец. Первоначально он был распространен на верхней Ветлуге и левых средних ее притоках. Отсюда топонимы на *-ата (-ята)* около XIX века стали попадать в бассейны средней Вятки и средней Камы, где получили широкое распространение. Только в Ильинском районе Пермской области топонимы с таким формантом составляют около пятнадцати процентов общего их количества. Топонимы на *-ата (-ята)* изучены относительно хорошо⁵⁹. В их основе чаще всего антропонимы или патронимические прозвища по отцу, деду. Таковы *Терешата, Викулята, Никулята, Малышата, Софронята, Романята, Калинята, Волчата*.

Однако в Пермской области многие названия на *-ата (-ята)* могли войти в топонимию и через коллективные прозвища выходцев жителей из какого-либо населенного пункта. Так, от имени Софрон был когда-то образован топоним *Софроново*; жителей населенного пункта называли *софронята*, это прозвание в конце концов закрепилось в качестве нового топонима — *Софронята*.

В связи с этим интересно отметить, что в коми-пермяцком языке, в котором нет топонимов на *-ата (-ята)*, очень распространены названия жителей по населенному пункту. Жителей деревни *Кубенево* называют *кубенята*, деревни *Пиканово* — *пиканята*, деревни *Абрашево* — *абрашата*. Это похоже на то, как в русском языке называют детенышей животных и птиц: котята, гусята, галчата. В коми-пермяцкую топонимию такие слова проникли из русских говоров. Например, в селе Долды, где живут русские, встречаются прозвища жителей по населенным пунктам: *корнята, погодята, орломята*.

Материалы ревизских сказок середины XIX века свидетельствуют о том, что многие названия с формантом *-ата (-ята)* возникли недавно. В том же Филатовском

□⁵⁹ См.: Н. И. Тарасова. Названия населенных пунктов Пермской области на *-ата (-ята)*. В сб.: «Вопросы топониматики». Вып. 1. Свердловск, 1962; В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., «Наука», 1965; И. В. Власова. Ареалы топонимов с формантами *-иха* и *-ата (-ята)* в Заволжье и междуречье Северной Двины и Волги. В сб.: «Этнография имен». М., «Наука», 1971.

сельсовете Ильинского района, приблизительно совпадающем с границами бывшей Филатовской волости, в 1850 году не было ни одного названия на *-ата (-ята)*, а теперь их здесь шесть. Новый формант возникал иногда на месте другого. Так, в 1850 году здесь была деревня *Макурина* (две семьи Макуриных); в 1968 году она попала в документы под названием *Макурята*. Точно так же была деревня *Давыдово* (шесть семей Давыдовых), теперь она значится как *Давыдята*.

Формант *-цы* проник в топонимию как средство для обозначения выходцев из каких-либо мест, населенных пунктах: *андреевцы* (из деревни *Андреево*), *таборцы* (из *Таборов*), *иньвенцы* (из бассейна *Иньвы*), *косинцы* (из *Косы*), *кудымкарцы* (из *Кудымкара*).

Коми-пермяки заимствовали суффикс *-цы* в значении «жители такого-то населенного пункта», позднее названия с *-цы* были перенесены на сами населенные пункты. Так название деревни *Канамова* в народном говоре звучит *Канамовчи* (в коми-пермяцком языке русское *-цы* переходит в *-чи*), деревню *Казаринова* называют *Казаринчи*, *Асанова* — *Асановчи*, *Ефимова* — *Ефимовчи*.

Суффикс *-ичи* первоначально имел патронимическое значение — отчество лица (в русском *-ич*: *Иванович*, *Ильич*), но впоследствии значение его расширилось — он стал указывать на зависимое положение людей, принадлежность их к какому-то роду (*Омичи*, *Фомичи*, *Емеличи*, *Захаричи*, *Коровичи*).

Топонимы, совпадающие по форме с прилагательными, имеющими суффикс *-ск-* (*-ск*), по выражению В. А. Никонова, передают «неличную принадлежность»⁶⁰. Среди них можно выделить топонимы, возникшие таким образом: 1) от названия церкви, церковного праздника: *Богоявленск*, *Богородск*, *Воскресенск(ое)*, *Рождественск(ое)*, *Архангельск(ое)*; 2) от собственных имен: *Азовский*, *Александровский*; 3) от названий революционных событий, имен выдающихся людей: *Октябрьский*, *Ленинский*, *Чкаловская*, *Пролетарск*.

Относительно редки в Пермской области топонимы с формантом *-ка* (*-овка*, *-евка*, *-инка*), имевшим первоначаль-

⁶⁰ В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., «Наука», 1965, стр. 71.

чально уменьшительное значение, а потом ставшим суффиксом топонимов-существительных с различными значениями: *Березовка, Жердовка, Федоровка, Пожевка, Зубовка, Абрамовка, Ермаковка*.

Топонимы с формантом *-иха* представлены также не густо: *Головниха, Гуриха, Мусиха, Косотуриха, Опалиха, Глушиха*. Основной очаг их за пределами области — на территории между Волгой и Клязьмой⁶¹. В Прикамье они появились около XIX века. Первоначальное значение суффикса *-иха* принадлежностное: *Данилиха* — 'принадлежащее Данилу'. Впоследствии это значение сузилось до прозвищ женщин по отцу или мужу. Прозвища по мужу в нашей области встречаются повсюду: *Олександиха* (муж *Олексан*), *Захариха* (*Захар*). Они имеют разговорно-просторечный характер и чаще употребляются лишь в разговоре о третьем лице. Что касается топонимов на *-иха* в первом, то есть в принадлежностном, значении, то они встречаются, правда изредка. Так, в Бондюжском и Вильгортском сельсоветах Чердынского района мы выявили, что нередко одно имя (*Орлиха, Гагариха, Игнашиха*) относится и к людям одного рода (обычно к женщинам), и к земельным угодьям — лугу, урочищу. Интересно в связи с этим отметить, что Ю. П. Чумакова нашла очаг антропонимов — женских прозвищ по отцу в Выксунском районе Горьковской области⁶².

В Пермской области изредка встречаются топонимы с формантом *-щина* (*Бердниковщина, Елковщина, Тихоновщина, Сельковщина, Ярославщина, Мельковщина*).

Префиксация, то есть образование топонимов с помощью приставок (*Подгора, Загора, Закурья, Подбобыка, Закамень, Запоскотина*⁶³), в русской топонимии Пермской области играет менее заметную роль, чем суффиксация. Иногда в таких топонимах наряду с пристав-

□⁶¹ См.: И. В. Власова. Ареалы топонимов с формантом *-иха* и *-ата* (*-ята*) в Заволжье и междуречье Северной Двины и Волги. В сб.: «Этнография имен». М., «Наука», 1971, стр. 184—194.

⁶² См.: Ю. П. Чумакова. Региональные патронимические образования в д. Осиповка Выксунского района Горьковской области. В сб.: «Ономастика Поволжья». Горький, 1971, стр. 172.

⁶³ См.: Ю. Г. Вылежнев. К вопросу о современном распространении топонимов типа *Забережник, Подгора* на территории Пермской области. В сб.: «Всесоюзная конференция по топонимике СССР». Л., 1965, стр. 261—266.

кой бывает и суффикс (*Подгорная, Подземляная, Подкаменное*). Последний способ образования топонимов во многом еще не ясен. В. А. Никонов пишет по этому поводу: «Очень трудно, если вообще возможно, отличить, образован ли топоним префиксацией или видимый в нем префикс принадлежит самой основе»⁶⁴. Он предлагает «принимать такие топонимы как данные, независимо от того, в каком порядке складывались их элементы»⁶⁵.

В микротопонимии Пермской области, почти не имеющей отражения в официальных документах, богато представлены образования в форме косвенного падежа существительного с предлогом (*За гумном, Под гумном, У мельницы, За мельницей, За прудом, За болотом*).

Без специального форманта, как говорят, с нулевым суффиксом, входят в топонимию местные географические термины, а также слова, обозначающие место, где когда-то что-либо находилось или происходило: *Плёсо, Прорыв, Курган, Лука, Мыс, Берег, Тайга, Болото, Бор, Галешник, Мочище, Городище, Лубнище, Репище, Кормовище, База, Заготскот*.

Сравнительно продуктивны в Пермской области топонимы-словосочетания. Первый компонент в них указывает на расположение объекта (*Верхнее Брагино, Нижнее Брагино, Верхние Гари, Нижние Гари*), его величину (*Большая Дуброва, Малая Дуброва, Большие Пальники, Малые Пальники*), этнический признак жителей (*Русские Чикаши, Русский Таз, Татарский Таз*). Выделяются названия-словосочетания следующего типа: *Берег Камы, База Кормосовхоза*, а также *Веселый Мыс, Горный Ключ, Высокое Поле*.

В пермской топонимии представлены также двусосновые, или сложные, названия. Специфика их образования изучена слабо. На это неоднократно указывалось в литературе⁶⁶. Здесь мы остановимся лишь на простейшей классификации подобных топонимов. Среди них можно

□ 64 В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., «Наука», 1965, стр. 85.

65 Там же, стр. 86.

66 См.: В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., «Наука», 1965, стр. 90—95; Н. М. Шанский. Двусосновые названия городов в русском языке. В сб.: «Ономастика Поволжья». Ульяновск, 1969, стр. 83—94.

выделить сложносуффиксальные, состоящие из двух основ (*Краснокамск* из *красная* — в смысле 'новая' и *Кама*. Таковы же названия *Красновишерск*, *Новоильинское*, *Новоодинцово*); сложные по структуре (*Новожилово*, *Новоселово*), хотя топонимическая основа у них одна (*новожил-*, *новосел-*), и названия с первыми компонентами *верх-* и *усть-*, которые присоединяют обычно к существующим гидронимам (*Верх-Молебка*, *Верх-Глубокая*, *Верх-Осиновка*, *Верх-Талица*, *Верх-Травяная*, *Усть-Усолка*, *Усть-Черная*, *Усть-Шалашная*, *Усть-Луговая*, *Усть-Березовка*, *Усть-Каменка*, *Усть-Гремяча*, *Усть-Косьва*).

НАЗВАНИЯ РЕК. Русские гидронимы также чаще всего образуются с помощью суффиксов, из которых наиболее продуктивны следующие:

-ка (*-овка*, *-евка*, *-анка*, *-инка*, *-енка*). Таковы *Куликовка*, *Оверинка*, *Ваневка*, *Боровлянка*, *Гуляевка*, *Дресвянка*, *Ивашенка*, *Мерзлянка*, *Ежовка*. С помощью суффикса *-ка* нередко происходит так называемая гидронимизация названия населенного пункта. По названию села *Пыскорка* получила наименование река; такое же происхождение гидронимов *Чердынка*, *Нырбка*, *Искорка*;

-иха. Например: *Макариха*, *Останиха*, *Щепиха*, *Обросиха*, *Комариха*, *Сушиха*, *Брюханиха*, *Данилиха*;

-ица. Так образованы названия *Боровица*, *Нерестовица*, *Мошевица*, *Сылвица*, *Талица*.

Встречаются также гидронимы, образованные в результате субстантивации прилагательных. Какая река? — *Черная*, *Зимовая*, *Озерная*, *Медвежья*, *Долгая*, *Рудничная*, *Омутная*, *Замельничная*, *Афонинская*. Изредка попадают гидронимы, не имеющие форманта. Например: *Утка*, *Векша*, *Кукушка*, *Куница*, *Росомаха*, *Селище*, *Побоище*. Имеются и гидронимы, представляющие собой словосочетания. Таковы *Крутой Лог*, *Сухая Платошна*, *Малая Копырка*, *Глухая Останиха*, *Большая Рассоха*, *Большая Озерная*.

Таким образом, географические названия Пермской области — продукт истории края, творчества разных народов. Будучи в постоянном употреблении людей разных национальностей, названия постепенно выравнивались, унифицировались. Так формировался особый топоними-

ческий регион, тесно связанный с топонимией соседних территорий и в то же время во многом своеобразный.

Топонимия Пермской области, как и других территорий страны, нашла свое место в общем словарном фонде языков народов СССР. Укреплению этого фонда способствовали и способствуют такие факторы, как дружба народов, общность территориальная, экономическая, идеологическая и культурная. Л. И. Брежнев в докладе на XXIV съезде КПСС говорил: «За годы социалистического строительства в нашей стране возникла **новая историческая общность людей — советский народ**».

Важнейшая роль в формировании межнационального словарного фонда принадлежит великому русскому языку, ставшему языком межнационального общения, а для многих нерусских и вторым родным языком.

Тенденция к созданию межнационального фонда особенно ярко обнаруживается в развитии новейшей топонимии. На всей территории Пермской области независимо от того, какой народ преобладает в той или иной местности, новые названия возникают очень часто из слов русского языка. Об этом, например, красноречиво говорят названия поселков в Коми-Пермяцком округе, созданных в 50—70-х годах для лесников: *Березовка, Пограничный, Каменка, Дружба, Мирный, Рябиновка, Сергеевский, Красный Яр, Серебрянка, Лесной, Камский, Кордон, Райбольница, Сельхозтехника, Светлица*. Во многих названиях поселков улавливаются и гидронимы, унаследованные русским языком от предшествовавшего населения. Таковы, например, *Вижаиха, Колва, Чепец, Валай, Лобырь, Сумыч, Низьва, Шунья, Зерна, Пильва, Ухтым* в Чердынском районе.

Некоторые поселки Коми-Пермяцкого национального округа получили названия из родного языка: *Ягдын* — 'место у бора', *Шордын* — 'место у ручья', *Изгарьян* — 'место, где добывают камень'. Эти и другие слова также становятся достоянием топонимии Пермской области, а через нее попадают и в общий словарный фонд народов СССР. Так топонимы вслед за терминами и антропонимами, обгоняя обычные слова, идут по пути интернационализации.

КАМА. ОТКУДА ЭТО СЛОВО?

азвание *Кама* принадлежит нескольким рекам Урала и Сибири. Однако отсюда вовсе не следует, что все они восходят к одному и тому же источнику. Свои названия реки получали в разное время и вряд ли из одного языка. У каждого гидронима,

как говорят, своя судьба и своя история. Чтобы добраться до истоков, нужны специальные исследования. Название *Кама* на тюркской территории может быть тюркского происхождения (*кама* по-тюркски — 'речная выдра', а по-киргизски — родовое название⁶⁷).

В некоторых случаях возможен перенос названия большой уральской реки на небольшую, куда переселилась группа пермского населения. Интересно, что *Камой* назван левый приток Конды, впадающей в Иртыш, а в бассейне Конды есть коми топонимы, например *Юконда*, *Вож* (*вож* на языке коми — 'приток'), *Ком* (*ком* — самоназвание коми). В наше время в бассейне Конды живут ханты. Однако им чужды не только перечисленные названия, но и гидроним *Конда*. Они произносят его *Хоонтанг-ёган*. Мансийское название *Конда* близко и к хантыйскому — *Хоонтан-я*. В связи с этим невольно спрашивается, не были ли в бассейне Конды в прошлом рядом с ханты выходцы из Прикамья — коми. Один факт, приведенный И. Я. Кривошековым, как будто укрепляет нас в этом предположении: в 1843 году Юконда носила название *Яхва*⁶⁸ — название явно скрещенное, состоящее из ненецкого *яха* — 'река' и коми *ва* — 'река, вода' (получалось: 'река — река'). Подобные тавтологические на-

⁶⁷ См.: Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народов. Спб., 1897, стр. 92.

⁶⁸ См.: Карты И. Я. Кривошекова. Хранятся в фундаментальной библиотеке Пермск. пед. ин-та.

звания довольно часты в местах соприкосновения разных народов.

Таким образом, гидроним *Кама* в бассейне Конды, на который обычно ссылаются, чтобы доказать хантыйское происхождение названия главной реки Пермской области, возможно, сам пермского происхождения.

В одном из источников XIV века читаем о крупнейшем левом притоке Волги: «...река же четвертая си есть именовем Кама. Си обо обиходяща и проходяща всю землю Пермскую, сквозь ню, по неуже мнози языцы сядят»⁶⁹. И в наши дни на берегах Камы звучит русская, коми, удмуртская, башкирская и татарская речь. Какому же языку принадлежит слово *Кама*?

Попыток ответить на этот вопрос было немало. В. Н. Шишонко, например, возводил гидроним к коми слову звукоподражательного характера *кам*, встречающемуся обычно в сочетании *кам усис* — 'со стуком упал'. По его мнению, название *Кама* образовано из первоначального *Камва* — 'вода с сильным падением'⁷⁰, но такая этимология для названия большой реки неприемлема.

Некоторые исследователи предполагали, что в основе гидронима удмуртское слово *кема* — 'долго'. По этой версии *Кама* — 'долгая или длинная река'⁷¹. Против этого объяснения есть возражения. Прежде всего, если *Кама* от удмуртского *кема*, то почему сами удмурты называют эту реку *Кам-Шур*?

Многие ученые, исходя из предположения, что древнейшим населением края были угры, искали объяснение в угорских языках. Звуковое совпадение *Кама* с хантыйским *кам* — 'чистый, прозрачный' неоднократно служило и продолжает служить основанием для построения хантыйских гипотез. Некоторые из них попали и в популярную литературу⁷². Такое объяснение слова *Кама* не согласуется с историей заселения Прикамья. Мы уже знаем,

 ⁶⁹ Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Спб., 1897, стр. 9.

⁷⁰ См.: В. Н. Шишонко. Пермская летопись. IV период. Пермь, 1884, стр. 559.

⁷¹ См.: М. С. Боднарский. Словарь географических названий. М., Учпедгиз, 1956, стр. 142—143; Краткая географическая энциклопедия. Т. 2. М., «Сов. энциклопедия», 1961, стр. 202.

⁷² См.: Календарь-справочник Пермской области. Пермь, Кн. изд-во, 1960, стр. 141.

что древнейшим населением его были прапермяне. Отсюда естественнее искать пермское, а не угорское происхождение названия. Угры, отколовшиеся от оставшейся части финно-угорского пранарода, согласно данным археологии и языкознания, около III тысячелетия до нашей эры «занимали территорию лесостепей и степей Южного Урала, Западной Сибири и Северного Казахстана»⁷³. Только в IV веке нашей эры какая-то группа (предположительно угорского или тюрко-угорского) населения, по свидетельствам археологов, с территории Южного Приуралья попала в Среднее и Верхнее Прикамье. Будучи пришельцами, угры (или иной народ), надо полагать, не придумывали названия географических объектов, а переняли их готовыми от своих предшественников.

Есть и другое возражение. Этимология названия *Кама*, как 'чистая, прозрачная, светлая, белая' и так далее, не согласуется с законами возникновения названий крупных рек. Древнейшими гидронимами, как мы уже знаем, становились обычные нарицательные слова со значением 'вода, река'. Названия же типа *долгая, светлая* возникали в более поздние периоды.

Наконец, финно-угорские языки не знали в прошлом и не знают теперь гидронимов в форме прилагательного, типа *Светлая, Белая*. Прилагательные в этих языках, что видно и на примере коми топонимии, могут лишь предшествовать существительному (чаще всего географическому термину или другому нарицательному слову). Аналогичное наблюдаем и в угорских языках. Для иллюстрации приведем несколько двухкомпонентных гидронимов. В мансийском языке: *Воитъя* — 'заливной луг, река' (в смысле 'река, протекающая по заливному лугу'); *Келья* — 'болотная река' (*кел, кельг* — 'болото'); *Похтынья* — 'грязная река' (*похт* — 'грязь')⁷⁴; в хантыйском языке: *Кулынг-йыгей* — 'рыбная река', *Йыгъ-сыгъэт* — 'окуневая речка'⁷⁵.

 ⁷³ См.: А. К. Матвеев. О древнейших местах расселения угорских народов (по данным языка). Уч. зап. Пермск. ун-та, № 191. Труды Камской археологической экспедиции. Пермь, 1968, стр. 146.

⁷⁴ См.: Г. В. Глинских. Русская топонимика мансийского происхождения на территории среднего и нижнего Припелымья. В сб.: «Вопросы топониматики», № 5. Свердловск, 1971, стр. 37—41.

⁷⁵ См.: Л. И. Калинина. Хантыйские топонимы Васюгана. Уч. зап. Томск. пед. ин-та. Т. 20, вып. 2. Томск, 1962, стр. 129.

Таким образом, несмотря на распространенность хантыйской гипотезы происхождения гидронима *Кама*, в ней много уязвимых мест.

Несколько лет назад в печати мы высказали предположение о связи гидронима *Кама* с этнотопонимом *ком* (*Комму* по коми — название Верхнего Прикамья)⁷⁶. Такой взгляд в науке не нов. Его придерживался, например, крупнейший историк Урала XIX века А. А. Дмитриев, не оставивший, к сожалению, подробного обоснования. Здесь мы предлагаем дальнейшее развитие нашей точки зрения на происхождение названия *Кама*.

Условия для появления топонимов в современном смысле слова возникли тогда, когда человек перешел к оседлому образу жизни. Их подготовила эпоха неолита. Тогда в Прикамье обитали племена, говорившие на диалектах финно-угорского языка-основы. В эпоху бронзы, в I тысячелетии до нашей эры, на базе предшествовавшего неолитического населения формировались пермские племена ананьинской культурной общности — далекие предки современных удмуртов, коми-зырян и коми-пермяков. Они занимали все Прикамье и бассейн Вятки. Следовательно, в пермских языках, унаследовавших основу словарного состава финно-угорского праязыка, и надо искать истоки гидронима *Кама*.

В соответствии с законом расширения значений слов на ранних ступенях общественного развития можно сделать следующие выводы. В лексиконе местных охотников и рыболовов эпохи неолита было слово *ком* (*кум*, *кам*) со значением 'человек'. Гласный звук зависел от местного произношения. Варианты этого древнего слова до сих пор живут в пермских и угорских языках (хантыйское *хум* — 'человек, мужчина'; мансийское *хум*, *хом* — 'мужчина'; удмуртское *кум* в сложных словах *саракум* — 'зырянин', или 'зыряно-человек', и *выжыкум* — 'родственник', или 'корень-человек'). На основе звуковых законов восстановлен и общепермский звуковой облик слова *ком* — 'человек'. Ученые предполагают также, что слово было известно еще в общефинно-угорскую эпо-

□⁷⁶ См.: А. С. Кривощекова-Гантман. Гидронимия коми-пермяцкого происхождения в Прикамье. В сб.: «Географические названия Прикамья». Пермь, Кн. изд-во, 1968, стр. 40—44.

ху и звучало как *кам* — 'человек'⁷⁷. *Кам* в пермских и угорских, а также в некоторых языках народов Западной Сибири означало 'шаман, колдун'.

На основе корня *ком* в период формирования племен возник этноним *коми*, что в буквальном переводе значит 'люди'. Это слово до сих пор служит самоназванием для коми (из Коми АССР) и коми-пермяков. Такой путь образования этнонимов, по мнению ученых, древнейший: в пределах своего племени людьми считались лишь одноплеменники. По этнониму, естественно, получила наименование территория племени *Комму* — 'земля, край племени ком' (обычно Верхнее, иногда и Среднее Прикамье). *Комму* в более древнюю эпоху, еще до сужения гласных в пермских языках, могло звучать и *Комма*.

Правомерно предположение, что этнотопоним *Комма* был перенесен и на главную реку территории комов. На ранних стадиях общественного развития скудный словарь племенных диалектов пополнялся почти исключительно путем расширения значений древних корней. Новые значения старых слов были обусловлены уровнем развития самих носителей языка.

Предполагая связь гидронима *Кама* с этнотопонимом, мы, однако, не можем пока с точностью определить ее характер. В ранние эпохи был возможен перенос этнонима на реку через название божества рода, племени, которое люди могли понимать как 'самый главный человек': *ваись кам* или *ваись ком*, позднее *ваись морт* — 'водяной человек'. (Слово *морт* было заимствовано пермскими племенами из какого-то иранского (скифского?) языка и очень рано вытеснило древнее *ком, кам*). Переносу имени божества на реку могли способствовать культовые обряды, исполнявшиеся, как правило, у реки. Возле воды находились капища и жертвенные места⁷⁸.

Воображение древних людей могло помещать божество в реку или отождествлять его с рекой. Недаром сре-

 ⁷⁷ См.: В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М., «Наука», 1970, стр. 132; В. И. Лыткин. Этноним коми и гидроним Кама. В сб.: «Этнография имен». М., 1971, стр. 257.

⁷⁸ См.: Т. А. Дегтярева. Формы проявления семасиологических законов. В сб.: «Законы семантического развития в языке». М., 1961, стр. 9.

ди коми-пермяков было принято «лечить» некоторые болезни, даже простудные, стоянием в реке. Больной должен был при этом опустить в воду какую-либо жертву (монету или часть одежды, хотя бы ниточку из нее), чтобы «задобрить» водяного и воду, которая послала болезнь. Любопытно в связи с этим также, что в фольклоре коми-пермяков до сих пор бытует образ Кама (сказка «Кам ордо била», или «К Каму за огнем»). Кам предстает злым волшебником, похитителем детей, людоедом. Слово *кам* у северных коми-пермяков сохранилось в значении 'злой, замкнутый и очень богатый человек'⁷⁹.

Возможен был и другой путь переноса: большая река на территории комов могла получить то же название: *Комма, Камма* или *Комму, Камму*.

Некоторые исследователи, например А. А. Дмитриев, признавая связь между *коми* и *Кама*, понимали ее в ином плане: *коми* — 'камские люди', 'люди, проживающие по Каме'⁸⁰. Однако несомненная связь терминов *коми* и *Комму* с понятием *ком, кум, кам* — 'человек' делает такое предположение несостоятельным. В данном случае может быть только одно из двух: или *Кама* восходит к этнопониму *коми, Комму*, или этот гидроним совсем не связан с названиями племени и его территории.

По нашему мнению, в глубокой древности у финно-угров Прикамья было слово с различной огласовкой *ком, кум, кам* — 'человек'. Этим словом древние люди называли не только реального, видимого человека, но и воображаемого человека-духа: *вõрись ком (кам)* — 'лесной человек-дух'; *ваись кам (ком)* — 'водяной человек-дух'. В период возникновения племен на его основе был создан этноним *коми*, впоследствии — топоним *Комму* и, наконец, — возможно, гидроним *Ком (Кам)*.

По мере развития общества, с появлением торговли и развитием межплеменных связей реки стали приобретать в жизни народов все большее значение: они начали служить и в качестве удобного водного пути. Нередко по их берегам пролегалли сухопутные дороги. По Каме из-

□⁷⁹ От сказок о Каме как отголоске о древних верованиях следует отличать мифы, возникшие гораздо позже из стремления как-то осмыслить непонятный гидроним.

⁸⁰ См.: А. А. Дмитриев. Пермская старина. Вып. 1. Пермь, 1889, стр. 66.

давня шел торговый путь из Волжской Болгарии до Белого моря: Кама — Вишера — Колва — Вишерка — озеро Чусовское — Березовка — Волог — Бухонин волок (около семи верст) — Нем — Вычегда — Северная Двина. По Каме передвигались и племена во время великого переселения народов, а еще позднее — угры, волжские болгары, башкиры, марийцы, удмурты.

В новую эпоху гидроним стал все более обособляться, пока, наконец, полностью не оторвался от древнего смыслового гнезда (названия народа, его территории и главной реки). Теперь уже ничего не могло помешать различным переосмыслениям. Новые поселенцы, воспринимавшие гидроним от предшественников, нередко подгоняли его звучание к знакомому слову, а иногда просто буквально переводили название на родной язык.

Период самостоятельной жизни гидронима, утратившего связь с этнонимом и топонимом, зафиксирован в североудмуртском слове *кам* — 'большая река', которое дошло до наших дней. На территориях, где когда-то входили в соприкосновение два племенных объединения, древнее слово *кам* сохранилось в его первоначальном виде. Оно даже вошло в составное удмуртское название Камы — *Кам-Шур* — буквально 'река — река', где *шур* уже новое название. Известны переводы и на другие языки. Волжско-тюркское *Чулман-Идель*, по мнению А. П. Дульзона, тоже 'река — река' (*чул* по-хакасски — 'река', а *ман*, как предполагают, — древнеиндоевропейский речной термин в значении 'вода', которым пользовались западносибирские тюрки)⁸¹. Скрещенным является также одно из современных марийских названий Камы — *Чулман-Виче*, где последний компонент означает 'река'.

Таким образом, происхождение гидронима *Кама*, по нашему мнению, связано с этнонимом *коми* и топонимом *Комму* — 'Верхнее Прикамье'. Что касается *-а*, то его, видимо, добавили русские. Слыша в *Кам* нечто близкое своему *камы* (*камы* на древнерусском — 'камень'), изменили применительно к реке в *Кама*.

□⁸¹ См.: А. П. Дульзон. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения. В сб.: «Топонимика Востока». М., «Наука», 1964, стр. 17.

1723 году вблизи устья Егошихи, впадающей в Каму, возникло поселение при Егошихинском медеплавильном заводе. Времени с тех пор прошло не так уж много. В 1973 году городу исполнилось 250 лет. Казалось бы, нетрудно установить перво-

начальное значение слова *пермь*. Наука докапывается до истоков таких слов, возраст которых измеряется тысячами. Но, к сожалению, в данном случае все оказалось не так просто...

В русских летописях, представляющих собой погодное изложение событий, происшедших на Руси, Пермь упоминается очень рано. В конце XI века *пермью* был назван народ, плативший, как и многие другие народы, дань Руси. «...А се суть инии языци иже дань дают Руси. Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемис, Мордва, Пермь, Печера, Ямь...»⁸². С того времени слово *пермь* в письменных источниках встречается довольно часто.

По поводу происхождения самого названия возникло немало предположений. Этим словом интересовались историки, этнографы, географы, языковеды, фольклористы и, наконец, краеведы-любители. Но, по мнению В. А. Никонова, вопрос о происхождении названия *Пермь* остается открытым⁸³.

Почему такой неутешительный вывод?

Этимологизированию названия *Пермь* мешали и неопределенность письменных источников в отношении употребления термина, и неполнота их. К тому же, к делу была примешана легендарная Биармия — богатая, по

 ⁸² Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. ПСРЛ. Т. 1. М., 1962.

⁸³ См.: В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., «Мысль», 1966, стр. 327.

скандинавским преданиям, страна на северо-востоке европейской части России, славившаяся мехами, серебром и мамонтовой костью. Некоторые историки XVIII века стали отождествлять Биармию с землей, которую в русских летописях называли *Пермь*, *Перемь*, *Пермь Старая*, *Пермь Великая*. Это дало повод искать родину слов *Пермь* и *Биармия* в языке коми. В поисках объяснения названия *Биармия* стали совершенно произвольно, на основе лишь интуиции составлять комбинации различных слов: *би ур му*, что в переводе — 'земля огненной белки'. Почему огненной? Разъясняли: скандинавы могли бывать в этих местах только водным путем, значит, летом. А тогда белка красного цвета⁸⁴. Пробовали складывать *Биармию* и из таких коми слов, как *би ар (öс) му* — 'земля годового огня', *би югөр му* — 'земля огненных лучей' и так далее. Мотивировать такие объяснения было невозможно ни с исторической, ни с лингвистической, ни с какой-либо другой стороны, да их авторы и не стремились к этому.

Не удовлетворившись этимологиями из коми языка, К. Тиандер пытался вывести один из западноевропейских вариантов *Биармии* (*Beormas*) из английского (*berm-, brim-* — 'берег, край'). По его мнению, это слово усвоили прибалтийско-финские племена, затем в виде *Пермь* — русские, которые стали называть этим словом сначала бассейн Северной Двины, а потом и более восточные земли⁸⁵. Эта версия тоже не пользовалась доверием. В самом деле, не могло местное население не иметь своего слова для обозначения древней земли, на которой западноевропейские гости были только нечастыми посетителями.

По мере развития наук появились более обоснованные гипотезы. Но вначале и они страдали односторонностью. Каждый автор рассуждал с точки зрения своей науки и нередко недооценивал материалы других. Это не давало возможности перерастать таким гипотезам в стройные всесторонне обоснованные предположения.

Широкую известность получило, например, мнение,

□⁸⁴ См.: А. Попов. Проблемы истории народа коми в связи с его фольклором. В сб.: «Фольклор народа коми». Архангельск, 1938, стр. 6—10.

⁸⁵ См.: К. Тиандер. О происхождении имени Пермь. Журнал Министерства народного просвещения, 1901, ч. 333, стр. 21.

высказанное в середине XIX века несколькими исследователями, согласно которому *Пермь* — видоизмененное коми слово *парма* — 'возвышенная местность, поросшая еловым лесом'.

Литераторы, поэты и писатели нередко используют слово *парма* как звучный эпитет, позволяющий очень точно и образно охарактеризовать Прикамье как край бесчисленных красивых лесистых холмов.

Но как бы ни желали пермяки сблизить название родного города со сходным по звучанию *парма*, вряд ли эти слова родственны по происхождению. М. Фасмер, автор «Этимологического словаря русского языка», обратил внимание на трудности фонетического характера, возникающие при объяснении слова *Пермь* с помощью *парма*⁸⁶. При внимательном подходе возникает немало недоумений. Если *Пермь* — *парма*, то почему Верхнее Прикамье до XVIII века называли не *Пармой Великой*, а *Пермью Великой*? Почему коми (камские и вычегодские) считают для себя чуждым этноним *пермяк*? Таких «почему» очень много...

Расшифровкой слова *пермь* занимался кандидат географических наук Н. И. Шишкин. По его мнению, термин *пермь* сложился из названий двух древних племен, шедших якобы навстречу друг другу: племя *пер* шло с Печоры, а *емь* — с запада. Столкнувшись где-то на Вычегде, они создали новое племя, а в результате из *пер-емь* родилось новое слово *Пермь*. Впоследствии это скрещенное племя распространилось и по Каме⁸⁷.

В какой-то мере обоснованным с точки зрения этнографии является предположение Л. С. Грибовой. Она пытается вывести слово *пермь* из имени фольклорного коми-пермяцкого богатыря *Перы*. Сопоставляя *Пера* с некоторыми коми словами религиозного содержания, например *перна* — 'крест на шее', а также названиями духов с основой *пер-* в некоторых финно-угорских языках, Л. С. Грибова приходит к выводу, что коми-пермяцкое *Пера* — тоже божество, и коми *перна* — не просто 'крест

 ⁸⁶ См.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., «Прогресс», 1971, стр. 242—243.

⁸⁷ См.: Н. И. Шишкин. Коми-пермяки. Пермь, Кн. изд-во, 1947, стр. 16—18.

на шее', но и место Перы-бога. А этноним *пермяк* — не что иное, как признающий покровительство Перы⁸⁸.

Мы не беремся судить относительно фольклорно-этнографической части этой гипотезы, хотя, по мнению фольклориста М. Н. Ожеговой, легенда о Пере-богатыре недавняя. Она возникла в период борьбы русских царей с волжскими тюрками⁸⁹. Нам представляется, что слова *Пера* и *Пермь* по происхождению все же разные. А слово *перна* В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев — авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» — выводят из общефинно-угорского слова со значением 'род, семья'⁹⁰.

На основе некоторых идей, изложенных в 1947 году основателем школы советских финно-угроведов членом-корреспондентом Академии наук СССР профессором Д. В. Бубрихом, а также новейших данных археологии и языкознания позволим себе высказать некоторые соображения.

Слово *пермь* по происхождению не местное, во всяком случае, не коми. Оно, как это бывает с заимствованиями, в разных коми языках представлено в разных вариантах: *Перемь, Перым, Перим*. Этнотопоним *Пермь* появился в разных местах в связи с передвижением русских с запада на восток и юго-восток. С XI—XII веков на северо-востоке европейской Руси хозяйничали новгородцы. Они еще в XI веке вынудили платить дань многие народы, в том числе и *пермь*. Новгородцы не позднее этого времени пришли в Заволочье. Вступив с местными жителями (весью) в тесные контакты, русские-новгородцы вынуждены были заимствовать местное обозначение Заволочья — *Перама (перам)* по-вепски — 'задняя земля'. Основной территорией предков современных вепсов (веси) в прошлом было пространство между Ладожским и Онежским озерами. Не удивительно, что бассейн Север-

□⁸⁸ См.: Л. С. Грибова. Пера-богатырь йылсь эшб öтик. Легенда (на коми-пермяцком языке). Кудымкар, 1963, стр. 80.

⁸⁹ См.: М. Н. Ожегова. Исторические основы коми-пермяцких преданий о Пере-богатыре. В сб.: «Фольклор и литература Урала». Пермь, 1971, стр. 20.

⁹⁰ См.: В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми-языка. М., «Наука», 1970, стр. 220.

ной Двины (Заволочье) был для них как бы землей за их рубежами, задней землей.

Вепское название *Перама*, по мнению Д. В. Бубриха, получило двоякое отражение: русскими оно было переделано, согласно законам их языка, в *Перемь*, *Пермь*, а скандинавами — в *Бйармаланд* (Bjarmaland)⁹¹.

Дальнейшая судьба слова *Пермь* полностью зависела от хода истории. Ассимиляция русскими иноязычного населения, предшествовавшего им на Северной Двине⁹², способствовала перенесению названия на восточных соседей — коми, которые занимали бассейны правых притоков Северной Двины, в том числе и Вычегды. Возможно, русские с самого начала употребляли это слово как этнопоним, то есть название территории и народа: *Пермь*, *Пермь Старая*, *Пермь Вычегодская*, *Пермь Великая*, *глаголемая Чусовая*. Возникали и дифференцированные этнонимы: *пермяне*, *пермины*, *пермитины*, *пермяки*. Скопление больших масс людей в бассейне Северной Двины вызвало значительный отлив населения на восток, в том числе и в Верхнее Прикамье. С переселенцами, среди которых могли быть не только русские-новгородцы, но и бежавшие от крепостного гнета крестьяне из северо-западных районов, а также обрусевшие или еще не успевшие в полной мере приобщиться к русскому языку предки вепсов и западных коми, следовал на восток и термин *Пермь*.

Название *Пермь Великая* или *Пермь Великая, глаголемая Чусовая*, впервые встречается в XIV веке в сочинении монаха Епифания Премудрого, описавшего жизнь первого проповедника христианства среди вычегодских коми Стефана Храпа, получившего прозвание святого Стефана, епископа Пермского⁹³. Территория Перми Великой приблизительно совпадала с той, которую камские коми называли в прошлом *Комму* — 'земля комов' и на которой археологи находят материальные остатки родановской археологической культуры (IX—XV века).

□⁹¹ См.: Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947, стр. 30.

⁹² См.: А. К. Матвеев. Субстратная топонимика русского Севера. «Вопросы языкознания», 1964, № 2, стр. 83.

⁹³ См.: Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Спб., 1897, стр. 9.

Термин *Пермь Великая* существовал до начала XVIII века. Вновь ожил он в названиях *Пермская губерния* и губернский город *Пермь*. По топониму называют и жителей Перми и области. Камских коми официально именуют коми-пермяками, чтобы не смешивать их с коми из Коми АССР, сбросивших в годы Советской власти чуждый для себя этноним *зырянин*. Пермяками продолжает себя именовать до сих пор лишь зюздинская группа коми, проживающая в Афанасьевском районе Кировской области.

Таким образом, слово *Пермь* по происхождению не коми и не русское. Его истоки в языке летописной веси. Вепсское *Перама* попало в русский язык в формах *Перемь, Пермь*. Трудно сказать, какая из них более древняя, но не обязательно та, которая раньше попала в русские летописи. Это же слово унесли с собой скандинавы и другие западноевропейские путешественники, переделав по законам своего языка (скандинавское *Бйармаланд*, английское *Беормас*). В связи с миграцией населения с северо-западных территорий слово *пермь* попало сначала к вычегодским коми (одновременно обозначая и группы населения коми в бассейне Северной Двины и территории, занятые ими). Позднее название *Пермь* пришло в Верхнее Прикамье.

В том, что название Пермь пришлое, ничего необычного нет. Случаев, когда слово рождалось в одном месте, а жизнь получало в другом, немало даже среди нарицательных слов. А с географическими названиями и не такое случается...

ТАЙНЫ НАЗВАНИЙ НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ГОРОДОВ

Пермской области двадцать пять городов: Александровск, Березники, Верещагино, Гремячинск, Губаха, Добрянка, Кизел, Красновишерск, Краснокамск, Кудымкар, Кунгур, Лысьва, Нытва, Оса, Очёр, Пермь, Соликамск, Чайковский,

Чердынь, Чусовой, Горнозаводск, Оханск, Усолье, Чёрмоз, Чернушка. Остановимся хотя бы на некоторых.

НЫТВА. По распространенному мнению, это первоначально гидроним коми-пермяцкого происхождения. Стоит он из гидроформанта *-ва* и корня *ныт-*, представляющего собой искаженное слово со значением 'тина, ил, ряска' (по коми-зырянски *нюйт*, в диалектах *нют* — 'тина, ил'; в коми-пермяцком *нювт* — 'ряска, слизь на водных растениях'). Географическая характеристика как будто бы не противоречит такой этимологии. Река равнинная, несет большое количество ила, который оседает на дно. Поверхность реки часто затягивается плавающими растениями, ряской. Сходное объяснение дают некоторые популярные источники⁹⁴.

Однако нам представляется также возможной связь гидронима *Нытва* со словом *ныд* — 'топкое место около берега, на склоне горы, грязь'. Это слово сохранилось в вымских говорах коми-зырянского языка. Такая этимология не мене убедительна, так как в общем-то Нытва — река болотная, ее воды имеют мутноватый цвет.

По реке назван и город.

ЧЕРДЫНЬ, ЧЕРМОЗ, ОЧЁР. О происхождении названия *Чердынь* много писал А. Ф. Теплоухов. По его

⁹⁴ См.: Календарь-справочник Пермской области. 1964. Пермь, Кн. изд-во, 1963, стр. 190.

мнению, общепермяне в VII—VIII веках жили еще по соседству с чувашами, то есть к югу от Верхнего Прикамья. Отсюда они переселились на Вычегду, а с Вычегды по мере продвижения русских на восток началось переселение и предков коми в Прикамье, где до XV—XVI веков проживали угры. Уходя на новые места, коми уносили с собой привычные названия. К их числу А. Ф. Теплоухов относит и *Чердынь*⁹⁵. Смысла этого названия пермский краевед не раскрыл.

Мы в своих работах уже расшифровали название *Чердынь* как устье притока⁹⁶ и считаем нужным обратить внимание на следующее.

Материалы экспедиций, проведенных нами в 1971—1972 годах, показали, что гидронимы на *-чер* встречаются в Прикамье почти исключительно там, где в коми-пермяцкую среду вклинивалось какое-то коми-зырянское население — пришельцы с бассейна Вычегды. Поясним это примерами. *Кетчер* — приток Лопвы. По этой речке в 1909 году находились *Верхняя Саранина* и *Нижняя Саранина*, встречалась и фамилия *Саранин*. В данном случае эти собственные имена свидетельствуют, видимо, о контактах зырян и удмуртов или угров, поскольку саранами зырян называли угры, а *саракум* по-удмуртски — 'зырянин'. *Янчер* — приток Косы. На Янчере стоит деревня *Шаньшеровая*, а среди ее жителей есть *Шаньшеровы*, основа фамилии *шань* — слово коми-зырянское (*шань* — 'добрый, хороший'). Эти и другие примеры склоняют к тому мнению, что термин *чер* в Прикамье действительно пришел из бассейна Вычегды. В этих же местах А. И. Туркин отмечал очаг сгущения гидронимов с эле-

□⁹⁵ См.: А. Ф. Теплоухов. О происшедшей некогда смене угров пермяками на верхней Каме, на верхней Вычегде и удмуртами на Чепце. Труды Камской археологической экспедиции. Т. 3. Уч. зап. ПГУ. Т. 12, вып. 1. Пермь, 1960, стр. 274; он же. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний. Зап. УОЛЕ. Т. 39. 1924, стр. 100—108.

⁹⁶ См.: А. С. Кривощечкова-Гантман. Отражение коми-пермяцкой архаической лексики ландшафта в топонимии Прикамья. В сб.: «Всесоюзная конференция по вопросам финно-угорской филологии. Тезисы докладов и сообщений». Сыктывкар, 1965, стр. 62; она же. Общепермская и общекоми лексика ландшафта в составе топонимии Прикамья. В сб.: «Русский язык и методика его преподавания». Уч. зап. Пермск. пед. ин-та. Вып. 4, 1967, стр. 153—154.

ментом чер: Черва, Ворчер, Черь Вычегодская, Изъвачер, Эжвачер и другие. Само же слово чер он считает для современного коми-зырянского языка уже архаизмом⁹⁷.

Е. С. Гуляев пытался раскрыть первоначальное значение чер и сближал его с коми словом чор — 'стебель растений, трав или ствол дерева'⁹⁸. Если это так, то в гидронимию слово чер вошло для обозначения особого русла, обычно узкого и прямого, как стебель или ствол, иначе говоря, протоки. Второй компонент названия Чердынъ-дын в коми-пермяцком языке имеет два значения: 'комель' и 'место около чего-либо'. В коми-зырянском языке его эквивалент встречается в топонимах в значении 'устье' (Куломдин — 'устье Кулома', Немдин — 'устье Нема').

Думается, что значение, представленное в коми-зырянских примерах, более приложимо к топониму Чердынъ, допустимо также, что в прошлом слово дын в значении 'устье' употреблялось и в коми-пермяцком языке.

Таким образом, Чердынъ — 'устье притока', вернее, протока. Около города, с северной стороны с Колвой действительно сливается небольшая речка Чердынка. Видимо, она до прихода сюда русских называлась просто Чер, а поселение, расположенное в ее устье, именовалось, естественно, Чердын. Современное название речки вторично. Оно дано по названию города.

В своих прежних работах в перечень гидронимов с компонентом чер мы включали также Чёрмоз, получивший свое название по одноименной реке, и Очёр, стоящий на берегу Очёра. Новые данные заставляют нас сделать существенные оговорки.

Возьмем прежде всего Чёрмоз. Если исходить из его написания, то напрашивается предположение — 'ледок по притоку', в смысле 'зимний санный путь' (коми-зырянское моз — 'наст, лед, корка на снежном покрове'). В низовьях Чёрмоза встречается фамилия Зырянов. Коми-пермяцкое произношение названия города в районе села Юсьвы — Чормос заставляет задуматься о связи гидро-

 ⁹⁷ См.: А. И. Туркин. Архаическая лексика коми языка в топонимике Вычегды. «Советское финно-угроведение», 1971, № 4, стр. 282.

⁹⁸ См.: В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М., «Наука», 1970, стр. 303, 311.

нима с *чирмеш* ('черемис') — дореволюционным русским этнонимом, означавшим *мариец*. В связи с этим очень любопытно, что в верховьях Чёрмоза встречается фамилия *Ошмарин* (*ошмарий* — общее самоназвание марийцев). И еще более интересно, что в числе жителей деревни Юсвы на реке Юсве в 1623—1624 годах были Алешка Савельев сын *Ошмарин* и Осташка Савин *Ошмарин*. Эти факты свидетельствуют об этнических смешениях в бассейне Чёрмоза. Видимо, коми-зырянский компонент более древний, марийцы были пришельцами, их отличали от местного населения по этнониму.

Название *Очёр* было принято выводить из коми-пермяцкого словосочетания *ошчер* — 'медвежий приток'. Возможно, что в очёрских лесах были медведи. Однако, чтобы эта этимология оставалась безупречной, нужно исключить связь названия реки с антропонимом (по-видимому, тюркского происхождения) *Ошер* (*Очёр*), легшим в основу фамилий *Ошеров*, *Ошерин*. Хотя названия таких сравнительно больших рек, как *Очёр*, редко происходят от антропонимов, река и не столь мала, чтобы иметь название на *-чер*. К тому же, исход гидронима не *чер*, а *чёр*, ударение падает на последний слог, как в тюркских словах. Чтобы вынести однозначное решение об этимологии гидронима *Очёр*, необходимы дополнительные специальные исследования.

ЧУСОВОЙ. Название получил по реке *Чусовая*. Этимология гидронима не совсем ясна. Возник ряд предположений. Часть из них приведена В. А. Никоновым⁹⁹, который отклоняет их, но сам ничего не предлагает. Наиболее распространенным является мнение, высказанное еще В. Н. Шишонко: название *Чусовая* произошло из языка коми (*чошва* — 'скорая или быстрая река')¹⁰⁰. Однако выводить *чус* из *чош* не позволяют законы фонетики.

Современная форма гидронима соответствует полному прилагательному русского языка, но под этой формой скрывается более древнее коми-пермяцкое название на

 ⁹⁹ См.: В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., «Мысль», 1966, стр. 473.

¹⁰⁰ См.: В. Н. Шишонко. Пермская летопись. IV период. Пермь, 1884, стр. 602—603.

-ва: Чусва, в местных русских говорах нередко Чусова. Имя-формант -ва — свидетельство того, что коми-пермяки пользовались гидронимом и передали его в таком виде русским. Неразложимый корень *чус-* встречается в коми-пермяцкой гидронимии в качестве самостоятельного названия. Например *Северный Чус* и *Полуденный Чус*, притоки Камы (Юрлинский район). Это наводит на мысль, что *чус* — слово общепермское, но уже утраченное коми-пермяцким языком¹⁰¹. Полностью совпадает с корнем *чус-* удмуртское *чус* — 'бойкий, быстрый, расторопный'. Но эту этимологию принять нельзя, поскольку в пермских языках имена прилагательные в качестве самостоятельного гидронима не выступали. Без форманта в пермскую гидронимию могли входить только географические термины и антропонимы — имена глав больших патриархальных семей, семейно-родовых групп (*Сюзь* — *Сюзьва*, *Мой* — *Мойва*). Если в качестве исходного материала взять коми-зырянское удорское слово *чуш* — 'норка' (зверек), то возможно рассуждение, что *Чусва* из *Чушва* — 'река, протекающая по земле, принадлежащей роду Чуш'. Однако Чусовая для отантропонимического названия — река слишком большая. Ничего подходящего мы не нашли и в пермской географической терминологии.

Из непермских языков обращает на себя внимание венгерское слово *чуч*, употребляющееся в современном языке в значении 'острие, вершина горы'. В древности оно могло означать и 'исток' (в финно-угорских и шире — в урало-алтайских языках — все эти понятия обычно обозначаются одним словом). Есть древнетюркское *чуш*, предположительный его перевод — 'верховье реки'. Возможно, *чуч* и *чуш* восходят к общему урало-алтайскому корню. Объяснение с помощью *чуч*, *чуш* было бы оправдано тем, что Чусовая служила удобным путем для сибирских народов, приезжавших на Каму. Тогда пришлось бы оторвать название *Чусовая* от гидронимов *Северный Чус* и *Полуденный Чус*. А все они происходят, несомненно, от одного источника.

Корень *чус* очень древний. По данным археологии,

□¹⁰¹ Объяснение *Чус* из пермских языков оправдано было бы тем, что в бассейне Чусовой обнаружены археологические памятники раннеродановской культуры.

район устья Чусовой с эпохи палеолита был непрерывно обитаем. Простейшим орудиям первобытного человека, найденным М. В. Талицким в Пещерном Логу недалеко от Чусовой, около 75 тысяч лет. Поиски происхождения названия такой реки, как *Чусовая*, могут обратить мысль к слову *тиссагет*, которое употребил древнегреческий ученый Геродот (V век до нашей эры) в значении какого-то народа, жившего, возможно, в бассейне Камы. Не является ли гидроним *Чус* продолжением корня *тис*, представленного в геродотовском *тиссагет*?

КАК ПРИЙТИ К ИСТОКАМ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ?

з всего сказанного в предыдущих главах следует, что в Пермской области сложилась самобытная топонимическая система, непосредственно связанная с конкретными языками, историей местности, ее географическими условиями. Исследова-

ние географических названий важно не только само по себе. Оно поможет углубленному изучению истории Прикамья, населявших его народов и их языков. Для многих смежных наук (истории, археологии, этнографии, языкознания, фольклора, географии) необходимы выводы и обобщения по топонимии местного края.

Какова же лаборатория топонимических исследований? Как прийти к истокам географических названий?

Исследователь должен прежде всего хорошо знать историю заселения местного края (в конкретном случае Прикамья и Урала вообще), чтобы объяснять географические названия не произвольно, а с помощью языков, которые действительно или предположительно звучали в прошлом на данной территории. Представление об истории края нужно иметь еще до сбора топонимического материала, иначе при опросе населения можно упустить из виду существенные детали.

При сборе материала в полевых условиях исследователю необходимо устанавливать связь названия с особенностями географического объекта. Ведь какая-нибудь черта его может подсказать путь расшифровки топонима.

Получив полное и всестороннее представление (историческое и географическое) об исследуемой местности, необходимо приступить к составлению топонимической картотеки. В нее включают географические названия из всех доступных источников. Весь материал по возможности надо сверить с местным произношением. Это делают во время специальных топонимических, диалектологических, краеведческих и других экспедиций. На местах

материалы письменных источников дополняют, составляют списки микропонимов, которые обычно не находят отражения в письменных источниках.

Топонимы, занесенные в картотеку, подвергают анализу с помощью различных приемов языкознания, истории, географии. Выбор приема подсказывается конкретными целями исследования. Для установления полной истории географических названий местности применяют обычно комплексный метод исследований.

Подлинно научное осмысление собранного материала невозможно без знания основ топонимики, законов возникновения географических названий и их жизни. Немало случаев, когда за топонимические этимологии брались большие знатоки в области конкретных наук, но не знавшие законов топонимики; это приводило к созданию совершенно невероятных, нежизненных гипотез.

Топонимические исследования следует вести ретроспективно, оглядываясь на прошлое, от самого понятного, ясного к менее понятному, затемненному временем материалу. В Пермской области наиболее прозрачен по происхождению верхний слой, созданный русскими. Топонимы этого пласта понятны каждому знающему русский язык. Трудности возникают в тех случаях, если слово, ставшее основой топонима, уже вышло из общеупотребительного словаря. Тогда приходится обращаться к диалектам: они служат хранителями языковой старины. Не мотивированное с точки зрения современного языка название *Оханск* помогает понять диалектное слово *охан* — 'ставная рыболовная сеть с крупной ячеей'. Название *Гремячинск* ведет историю от реки *Большая Гремячая*, питающейся водами родников и ключей, именуемых в народе *гремячами*.

Нередко обычные личные имена, которые носили наши предки, успели наполниться таинственным смыслом. А они часто входили в топонимию в качестве названий не только микрообъектов, но и крупных населенных пунктов, гор и озер. Это приводит к необходимости изучить местную антропонимию во всех ее разновидностях. Например, далеко не все названия *Родина* имеют отношение к нарицательному *родина* (*отчизна*). В их основе часто лежит уменьшительное *Родя* (от *Родион*). Топоним *Парша* происходит не от названия кожного заболевания, в его основе, наверняка, уменьшительное *Парша* (от *Пар-*

фён). Не каждое *Яранино* образовано от этнонима *яран* (так коми называли самодийцев), иногда в основе топонима может быть и *Яраня* от диалектного *Ярасим* (*Герасим*).

Особенно большую услугу топонимисту могут оказать писцовые книги XVI—XVII веков, в которых наряду с христианскими широко представлены и прозвищные имена: *Истома, Ериш, Зык, Рычко, Юшко, Майко, Ожгибес, Щётка, Верещага, Мичура, Кокора, Вагора, Рудачко* и многие другие. Такие имена разными путями, чаще через прозвища и фамилии, вошли в местную топонимию.

На территории нынешней Пермской области в прошлом проживали многие народы, и у каждого был свой язык. Исследователю надо знать антропонимию всех языков. Недооценка этого источника может привести к досадным ошибкам. Достаточно напомнить, что иногда в разряд «таинственных» гидронимов на *-ым, -им* попадало даже христианское *Евдоким* в его народном оформлении *Одоким*. Названия на *-ым, -им* нередко считают следами исчезнувших народов, в то время как некоторые из них аналогичны современным тюркским именам и этнонимам: *Касим, Надым, Салим, Салым*.

Пользуясь антропонимическим материалом для построения различных выводов, нельзя забывать о его специфичности. Личное имя, родившись в одном языке, получает в силу различных причин распространение во многих других. Тюркскими именами, например, пользовались почти все народы Поволжья и Прикамья, в том числе марийцы и удмурты. Исходя из этого, нельзя делать поспешный вывод о том, что название деревни *Салтаново* указывает якобы только на тюрков — ее основателей, а название деревни *Сафроново* — всегда свидетельство, что первоселенцами здесь были русские.

Из-под верхнего пласта проступают, сгущаясь или разрежаясь в некоторых местах, топонимы, которые с помощью только русского языка уже не объяснить. В их составе могут быть пермские, угорские, тюркские основы. Топонимисту надо научиться определять языковую принадлежность дорусских названий.

Выделение коми-пермяцкого пласта связано с большими трудностями, но они в большинстве случаев преодолимы. Творцы пермской топонимии проживали в Прикамье длительное время и успели создать здесь мощный

слой названий с относительно прозрачными формантами и четкими границами распространения. К тому же отдельные пермские языки звучат и теперь. Это дает возможность сличить корни слов разных языков. К этому делу надо подходить очень вдумчиво и осторожно. Следует остерегаться соблазна этимологизировать названия только по письменным материалам: в них топоним может оказаться в искаженном виде.

Одно время было принято все топонимы пермских языков с корнем *лоп* (*лõп* в языке коми — 'лесная чаща в низменной местности') сближать с русским этнонимом *лопь* — 'саамы'. Это привело к ничем не обоснованному заключению, что территория, занимаемая теперь коми-пермяками, ранее была саамской.

Пласт коми названий на значительной территории Пермской области относится ко времени до XV, чаще XVII, века. Позднее на него стал накладываться русский пласт. Это должно насторожить исследователя: не любой коми топоним может быть объяснен с помощью современных коми слов. Для толкования некоторых названий приходится обращаться к диалектам и родственным языкам. Так, в названии *Ягодино* живет устаревшее *ягэдин* — 'лес с преобладанием сосны'. Это слово сохранилось в верхневычегодских коми говорах. Для объяснения названия *Кваркуш* (коми-язвинское *Кварк-Вож*) — одного из хребтов Урала, расположенного в бассейне верхней Вишеры, В. И. Лыткин привлек даже марийский язык, в котором сохранилось древнее слово *курык* — 'гора'¹⁰².

Языковедческие познания нужны не только в области лексики, но и грамматического строя языка. Так, особенности грамматического оформления топонимов типа *Романшор*, *Харитон-Пальник* помогли отнести их к коми языку, хотя компоненты их чисто русского или коми-русского происхождения.

Ключ для расшифровки некоторых названий может скрываться и в древних верованиях народов. В нашей области, например, имеется несколько рек с названием *Вежай*, *Вижай* — это притоки Вильвы, Усьвы, Иньвы, Ло-

 ¹⁰² См.: В. И. Лыткин. Коми-язвинский диалект. М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 124.

лога, Березовой и других рек. Сопоставление прикамских топонимов с подобными названиями в Коми АССР помогло установить их первоначальную структуру. Они представляют сложные слова (*Вежаю* в коми-зырянском — 'Священная река'). Почему «священная»? Оказывается, река могла получить название после церемонии так называемого крещения местных жителей, то есть обращения их в христианство, когда в освященную реку загоняли целые селения. С тех пор вода ее объявлялась священной. Кроме того, у реки, как правило, совершались религиозные обряды. А так как христианство наступало повсеместно, появилось несколько одинаковых названий рек.

Очень часто путь исследователя к истинному значению топонима преграждают межъязыковые омонимы — одинаковые по звучанию, но совершенно разные по значению и происхождению слова. Совпадение звучания в таких случаях вызвано общеизвестным фактом, что звуков в каждом языке немного — несколько десятков, а слов — огромное количество. Отсюда случайные совпадения в звучаниях неизбежны.

В начале 60-х годов, занимаясь гидронимией Прикамья, мы натолкнулись на интересное явление: в числе гидронимов с исходом на *-ва* оказалось немало таких, в основе которых заключались понятия родства: *Айва* — 'отец-вода', *Еньва* — 'мать-вода', *Аньва* — 'свекровь-вода', *Нылва* — 'дочь-вода', *Иньва* — 'жена-вода', *Сойва* — 'сестра-вода', *Чожва* — 'дядя-вода'. Все они были сосредоточены в Верхнем Прикамье. Мы пытались объяснить это явление сначала с помощью только коми языка. И были готовы поверить следующему народному преданию.

В старину, когда племенем правил Кудым-Ош, его землю беспокоили угры. Чтобы легче было отбиваться от врагов, он разделил свои владения на части и раздарил их родственникам.

Нам не сразу пришло в голову, что это сети межъязыковой омонимии. Выпутаться из них помогли данные языков, некогда звучавших, по-видимому, в Верхнем Прикамье. Оказалось, что *Айва* из *Айя* (*ай* по-хантыйски — 'малая'); *ень-* в названии *Еньва* произошло предположительно из тюркского языка (*ен* — 'низина'); *сой* в названии *Сойва* — из коми-пермяцкого языка (*сёй* —

'глина'); *ныл* из *оныл*, представляющий какой-то речной термин западносибирского происхождения.

Из всего этого ясно, что межъязыковая омонимия благоприятствует созданию различных гипотез о происхождении одного и того же названия. Например, гидроним *Колва* пытались объяснить с помощью многих языков: русское *кол*, коми *кола* ('шалаш для охотников или рыбаков'), марийское *кол* и саамское *куолле* ('рыба'), мансийское *кол* ('земляника; дом'), тувинское *кол* ('основной'), алтайское *кол* ('приток, река, лог'), древнетюркское *кол* ('русло, измененность'), селькупское *колдъ* ('большая река').

Избежать такого разброда поможет системный подход, когда название рассматривают в связи с другими топонимами данной местности. Корень *кол-* есть, например, в топонимах *Колыч*, *Колчим*, которые уводят исследователя в Западную Сибирь.

Кроме того, когда гидроним по звучанию близок к разным словам из многих языков, более вероятной оказывается связь названия с тем из приведенных слов, которое служит географическим термином. Географические термины, как и личные имена, чаще входят в топонимию. Например, связь названия *Колва* с тюркским *кол* или селькупским *колдъ* более вероятна, чем связь со словом, имеющим значение 'рыба' (любая значительная река богата рыбой) и тем более со словом *кола* — 'шалаш'.

Сравнивая корни с разными формантами на территории, где наблюдались смены народов, тоже нельзя спешить с выводами. Общность корней может быть объяснена тем, что двуязычное население последовательно меняло концовки топонимов, прикрепленные к основе слова разными народами. Каждое последующее население, поняв значение форманта заимствованного названия, заменяло его равнозначным средством своего языка. Надо считаться и с историей. Письменные документы, например, дают формы: *Косья*, *Косью*, *Косьва*. Что перед нами, межъязыковая омонимия или один и тот же корень? Данные языка и истории края позволяют заключить, что это одно и то же коми слово (*кось* — 'порог'). Древнейшую форму гидронима *Косью* ('порожистая река') пришельцы (угры?), прибывшие в Верхнее Прикамье, переделали в *Косья*. Коми-пермяки, ассимилировавшие их, заменили чуждое окончание новым формантом *-ва*,

поскольку древний гидроформант (-ю) в это время уже оказался непродуктивным.

При системном подходе приходится анализировать не только корни, но и суффиксы. Выделить их тоже не всегда просто. То, что на первый взгляд представляется формантом, при внимательном рассмотрении оказывается чем-то другим. Возьмем, например, названия *Ульвич* (*Ульвидз*) и *Нюрвич* (*Нюрвидз*). Здесь *ич* — не суффикс. Вторая часть этих названий *видз* на языке коми означает 'луг': *Ульвидз* — 'сырой луг', а *Нюрвидз* — 'болотный луг'. В гидрониме *Бурнима ма* — тоже не формант. На языке коми это прозвищное имя — 'благородный'. В названии *Мега* не нужно искать формант *-га*, здесь корень *мег*, что в коми языке означает 'излучина, хобот'.

В Пермской области немало названий с концовкой *-ай*: *Сулай, Сардай, Кумай, Беляй, Урай, Дзиткай, Сусай* и так далее. Но у них нет единого форманта *-ай*. Слова имеют разные источники: *Сусай* из *Сусаю* (перевод с коми — 'Кедровая река'), *Беляй* — русское прозвище, *Урай*, видимо, связано с угорскими языками, а *Кумай* — с тюркскими.

Большие затруднения при этимологизировании топонимов вызываются различными переосмыслениями — народными этимологиями. Когда характерный признак объекта, положенный в основу наименования, не всплывает, люди стараются по-своему осмыслить непонятный топоним, приближают его звучание к знакомым нарицательным словам. Так, непонятное *Нярыч* (*няр* — по-мансийски 'болото') коми-пермяки приблизили по звучанию к своему *няридз*, что значит 'волокуша'. Точно так же поступили в свое время русские, изменив коми-пермяцкое название *Пернаты* ('озеро в виде креста') в понятное слово *Пернатый*.

Иногда вокруг нерасшифрованного названия складываются целые легенды. Передаваясь из поколения в поколение, они порой утверждаются в качестве одной из вероятных гипотез. Любопытен такой пример. На севере Пермской области, на берегах горных рек Вишеры, Колвы и Язьвы есть три камня-скалы, носящие имя *Ветлан*. Скала-камень на берегу Колвы противостоит такой же скале *Дивья* (иногда *Девья*). Непонятные *Ветлан* и *Дивья*, по языковой форме противопоставленные как сло-

ва мужского и женского рода, вызвали представление о живых людях и породили прекрасную легенду.

«Жил в давние времена на берегу Колвы статный молодец Ветлан, а на другом берегу распевала песни красавица Дева. Однажды Ветлан увидел Деву и окаменел от удивления. Дева бросилась к нему, но река не пустила. И вскоре она от горя тоже окаменела»¹⁰³.

Эта легенда, видимо, и послужила поводом для переделки *Дивья* в *Девья*. Название *Ветлан* коми-пермяцкое, (*ветлан* — 'дорога, место, где можно пройти, перейти').

Некоторые предания отражают подлинные исторические факты, конечно, перемешанные с народным вымыслом. Таково предание о происхождении названий *Юксеево* (*Юксьёв*), *Чазёво* (*Чадзёв*), *Пуксиб*, *Бачманово* (*Бачман*) будто бы от имен языческих предков коми-пермяков: *Юкся* (иногда *Юкси*), *Пукся* (иногда *Пукси*), *Чадз* и *Бач*. Согласно преданию, они захоронены вблизи *Чазёво*, в местечке *Шойнаыб*. Вот один из вариантов легенды, записанный коми-пермяцким писателем и фольклористом В. В. Климовым.

«Жил-был чудской князь Юкся, а у него было три сына: Чадз, Бач и Пукся. И жили они не так уж давно. Вот пришли на Каму попы. Юкся не хотел расставаться со своим богом и не принял попов. Состоялось сражение. Мало кто остался в живых из чуди. Убитых тут же и похоронили. Недаром местечко называется Шойнаыб — «Могильное поле»¹⁰⁴.

Попробуем с помощью письменных источников отделать хотя бы долю истины от творчества народа и переосмыслений фактов. Поселение *Юскиевых* значилось в документах уже в 1579 году. Здесь жили люди, имевшие ничем не примечательные христианские имена. Но топоним увел нас на запад, в северо-восточную часть Удмуртии, где до сих пор существует село *Юски*. Еще в XIX веке в Юсовской волости Глазовского уезда жили, по сведениям А. Ф. Теплоухова, пермяки¹⁰⁵. В 1623—1624 го-

□¹⁰³ Календарь-справочник Пермской области. 1964. Пермь, Кн. изд-во, 1963, стр. 189.

¹⁰⁴ В. В. Климов. О чем рассказывают имена Пармы (на коми-пермяцком языке). Кудымкар, 1971, стр. 25.

¹⁰⁵ См.: А. Ф. Теплоухов. Фамилии и географические названия Пермьского края в этнографическом и историко-географическом отношении. «Коми му», 1925, № 9 (19), стр. 35.

дах деревня называлась *Юксиево*. Население ее умножилось, появилось много пришельцев (Неждановы, Юрьевы). Перестановка звуков в названии произошла не случайно: оно было приближено к удмуртским именам типа *Какся, Какси*. В дальнейшем топоним превратился в *Юксеево*. Любопытно, что фамилия *Юксеев* сохранилась, но не здесь, а в бассейне Сылвы — в селении Бирма Осинцевского сельсовета Кишертского района Пермской области. Известно, что бассейн Сылвы в XVII веке усиленно заселяли выходцы из Кайгородского, Сольвычегодского, Чердынского и Соликамского уездов. Среди уроженцев Кайгородского уезда было немало удмуртов¹⁰⁶.

Таким образом, первоселенцами *Юксеево* были выходцы из поселения *Юски*, говорившие, возможно, на коми-пермяцком языке. Но позже население могло пополняться и за счет удмуртов или коми, носивших удмуртские имена типа *Какся, Какси, Юкся, Юкси*.

Починок *Чазёво* на реке Киве значился тоже в 1579 году. Здесь жили Гришка и Петрушка *Чазёвы*. Прозвание *Чазёв* произошло от языческого *Чадз*, ставшего основой фамилии *Чазов* (встречается как в Пермской области, так и в Удмуртии). В русских документах его иногда переделывали в *Чаз* (*Рака* и *Чаз Дмитриевы* в Кудымкаре по спискам 1579 года). Топонимы с основой *Чадз* представлены и в других местностях Коми-Пермяцкого округа, например в Кудымкарском районе деревня *Чазёво (Чадзов)*. В 1623—1624 годах в *Чазёво* на *Киве* появились Салтановы, и деревня получила новое имя *Пус* на реке *Кичише*¹⁰⁷.

В деревне *Бачманово* в 1623—1624 годах жили Офонка Иванов сын Бачманов и Олешка Иванов сын Бачма-

 ¹⁰⁶ См.: История Урала. Т. 1. Пермь, Кн. изд-во, 1963, стр. 73.

¹⁰⁷ Данные взяты из копий списков переписных книг И. И. Яхонтова и М. Кайсарова, хранящихся в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина в Москве (ф. 256, д. 308). Следует сказать, что в некоторых документах, например в «Пермской старине» Л. А. Дмитриева (вып. 3, стр. 94), вместо *Пус* употреблено *Пустошь*. Пока трудно утверждать, является ли *Пус* сокращением *Пустошь*, поскольку в писцовой книге М. Кайсарова назван ряд жителей деревни *Пус*, а не *Пустоши*.

нов. Имя *Бачман* тюркское, но его сюда могли занести и выходцы из северных районов Удмуртии.

Топоним *Пуксиб* в 1623—1624 годах зафиксирован как *Пускипа*, а в документах XVIII—XIX веков представлен по-разному: *Пуксин*, *Пуксини*, *Пуксян*, *Пуксяни*. Думается, что в основе этого топонима волжско-болгарское слово *пус*, *пос*, *поса* — 'поле'. Удмурты, заимствовав название *Пускипа*, приблизили его к своим личным именам *Пукся*, *Пукси*, *Какся*, *Какси*, к которым прибавили слово *ни* — 'сын'. Все эти примеры лишний раз подтверждают, что в Прикамье были многократные перемещения народов.

Таким образом, легенда о Юксе, Пуксе, Чадзе и Баче не лишена исторической основы, но в ней сведения о разных этнических группах в составе населения бассейна Косы сведены только к языческим предкам коми-пермяков.

Следует добавить еще, что в вариантах предания о Юксе, Пуксе, Чадзе и Баче слышится почитание коми-пермяками каких-то далеких предков подобно тому, как преклонялись родовой богине (воршуду) удмурты, стараясь угодить ей, не приводить ее в ярость во избежание несчастий¹⁰⁸. Поклонение далеким предкам сохранилось в пределах Коми-Пермяцкого округа, пожалуй, исключительно в районе Пуксиба, Чазёво и Юксево.

Проверив предание по письменным источникам и другим материалам, мы не только раскрыли истинные этимологии топонимов *Юксево*, *Чазёво*, *Бачманово*, *Пуксиб*, но и получили ценные сведения о заселении края. Оно шло с запада, со стороны северо-востока Удмуртии. Среди пришельцев были не только удмурты, а и пермяки из Карсовайского края Глазовского уезда и, видимо, потомки волжских болгар.

Изучение Пермской топонимии, по существу, только начинается. Особого внимания требует к себе связь географических названий Пермской области с топонимией Западной Сибири. Наличие общего топонимического фонда Урала (в том числе Прикамья) и Западной Сибири объясняется тем, что названия угорского, тюркского, а

□¹⁰⁸ См.: С. К. Бушмакин. Воршудные имена и удмуртская топонимия. В сб.: «Ономастика Поволжья». Ульяновск, 1969, стр. 167—168.

иногда и кетского происхождения переселенцы уносили на новые места или самостоятельно создавали новые топонимы. В этом вопросе есть еще над чем поломать голову. Много неясного и в топонимических связях Прикамья и юга. Все это требует специальных глубоких исследований. Успех будет зависеть от правильного использования данных смежных наук, и прежде всего археологии, а также от полноты и качества рассматриваемого материала.

Предстоят сплошное топонимическое обследование территории Пермской области, а также сбор географических названий, содержащихся в различных письменных источниках.

К этой работе можно привлечь учителей, студентов, учащихся старших классов. Особенно много надо сделать в сборе микротопонимии (учет вариантов названий, проверка произношения), так как в ней нередко лежит ключ к расшифровке названий более крупных объектов. СобираТЕЛЬСкая работа не менее ответственна, чем последующая интерпретация материала. Ее нужно вести под руководством и контролем топонимически подготовленных людей, и не в одиночку, а во время экспедиций, краеведческих экскурсий и туристических походов.

Бадер О. Н. и Оборин В. А. На заре истории Прикамья. Пермь, Кн. изд-во, 1958.

Барышникова Э. Д. Основные структурные типы названий населенных пунктов Шабалинского района Кировской области. В сб.: «Вопросы топонимастики». Уч. зап. Уральск. ун-та, № 49. Свердловск, 1967.

Вылежнев Ю. Г. К вопросу о современном распространении топонимов типа **Забережник**, **Подгора** на территории Пермской области. В сб.: «Всесоюзная конференция по топонимике СССР». Л., 1965.

Галушко Л. Г. Названия «каменной» реки Чусовой. В сб.: «Вопросы топонимастики». Вып. 1. Свердловск, 1962.

Дмитриев А. А. Пермская старина. Вып. 3. Пермь, 1891.

Кривошеков И. Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914.

Кривошекова-Гантман А. С. Общепермская и общекрами лексика ландшафта в составе топонимии Прикамья. В сб.: «Русский язык и методика его преподавания». Уч. зап. Пермск. пед. ин-та. Вып. 4. Пермь, 1967.

Она же. Гидронимия коми-пермяцкого происхождения в Прикамье. В сб.: «Географические названия Прикамья». Пермь, Кн. изд-во, 1968.

Кривошекова-Гантман А. С. и Югов А. А. Населенные пункты и их названия. Там же.

Матвеев А. К. Топонимические типы Верхнего и Среднего Прикамья. В сб.: «Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции». Вып. 2. ИА АН СССР, 1961.

Он же. О древнейших местах расселения угорских народов. В сб.: «Труды Камской археологической экспедиции». Уч. зап. Пермск. ун-та, № 191. Пермь, 1968.

Нешатаев Н. И. Распространение коми-пермяцких географических названий в Пермской области. В сб.: «Географические названия Прикамья». Пермь, Кн. изд-во, 1968.

Николаев С. Ф. Географические названия Пермской области. Указатель литературы. В сб.: «Географические названия Прикамья». Пермь, Кн. изд-во, 1968.

Никонов В. А. Введение в топонимику. М., «Наука», 1965.

Он же. Краткий топонимический словарь. М., «Мысль», 1966.

Оборин В. А. Русская топонимия писцовых книг Прикамья XVI—XVII вв. В сб.: «Географические названия Прикамья». Пермь, Кн. изд-во, 1968.

Полов А. И. Географические названия. М.—Л., «Наука», 1965.

Полякова Е. Н. Топонимия с. Акчим. В сб.: «Географические названия Прикамья». Пермь, Кн. изд-во, 1968.

Она же. Материалы к словарю географических терминов пермских памятников XVII в. Пермь, ПГУ, 1972.

Тарасова Н. И. Названия населенных пунктов Пермской

области на -ата, -ята. В сб.: «Вопросы топонимстики». Вып. 1. Свердловск, 1962.

Теплоухов А. Ф. Фамилии и географические названия Пермского края в этнографическом и историко-географическом отношениях. «Коми му» (Сыктывкар), 1925, № 9 (19); 10 и 11 (20 и 21); 12 (22).

Тепляшина Т. И. Специфика удмуртской топонимии. В сб.: «Географические названия Прикамья». Пермь, Кн. изд-во, 1968.

Успенский Л. В. Имя дома твоего. Л., «Детская литература», 1967.

Он же. Загадки топонимики. М., «Молодая гвардия», 1969.

Федосюк Ю. А. Русские фамилии. Популярный этимологический словарь. М., «Детская литература», 1972.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПАМЯТКА ДЛЯ СПЛОШНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ТОПОНИМИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА

1. Перечислить в пределах сельсовета, района официальные и местные названия существующих и существовавших населенных пунктов и их частей (улиц, переулков, концов и так далее). Указать, на берегу какой реки (ручья, ключа) стоит населенный пункт. Привести все варианты наименования водного источника.

2. Указать современный и прошлый национальный состав населения деревни, села, района (русские, коми-пермяки, коми-зыряне, манси, ханты, удмурты, марийцы, башкиры, татары, мордва и другие).

3. Восстановить историческое прошлое микрорайона, используя не только устные рассказы, но и по возможности документы и другие письменные источники. Привести рассказы старожил о происхождении названий исследуемого микрорайона. Записать предания, связанные с названиями тех или иных участков местности (рассказы о карстовых провалах, исчезнувших населенных пунктах, о древних людях, религиозных обрядах, побоищах и так далее).

4. Записать фамилии, имена и прозвища, распространенные в отдельных населенных пунктах сельсовета, района. По рассказам старожил и письменным источникам выделить фамилии и прозвания коренных жителей и пришельцев. Записать объяснения фамилий из уст местных жителей. Обратит внимание на наименование жителей по названиям населенных пунктов, записать их в трех формах: мужской и женский род, собирательная форма множественного числа. (Например: кунгуряк, кунгурячка, кунгуряки).

5. Привести все названия водных источников (существующих и существовавших) на территории колхоза, сельсовета, района: реки, ручьи, озера, заливы, старицы, острова, полуострова, изгибы рек, броды, водовороты, омуты, болота, ключи, пруды, колодцы. Записать предания и другие рассказы, связанные с этими названиями.

6. Привести все варианты названий лесов, гор, курганов, оврагов, логов, холмов, мысов, пригорков, рощ, боров, дорог, долин, ба-

лок, лугов, полей в пределах сельсовета, района, деревни. Записать предания и другие рассказы, объясняющие их возникновение.

Все названия следует дать в официальном написании и местном произношении, указать место ударения в слове. По возможности указать соответствующий названию географический термин (*Ласта*: ласта — 'низинный, ровный луг').

*Секция ономастики, фольклора и этнографии
Пермского отдела Всесоюзного Географического
общества*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
КАК ВОЗНИКАЮТ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ?	13
КАКИЕ НАРОДЫ БЫЛИ ТВОРЦАМИ ТОПОНИМИИ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ?	16
ПЕРМСКИЕ ТОПОНИМЫ	22
Названия коми-пермяцкого происхождения	23
Коми-зырянские названия	37
Удмуртские названия	38
ВОЛЖСКО-ФИНСКИЕ ТОПОНИМЫ	42
ОБ УГОРСКИХ ТОПОНИМАХ	44
ТЮРКСКИЕ ТОПОНИМЫ	51
РУССКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ .	58
Освоение русским языком коми-пермяцких названий	62
Исконно русские названия	65
КАМА. ОТКУДА ЭТО СЛОВО?	76
ИЗ БИОГРАФИИ СЛОВА ПЕРМЬ	83
ТАЙНЫ НАЗВАНИЙ НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ГОРОДОВ	89
КАК ПРИЙТИ К ИСТОКАМ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ?	95
ЛИТЕРАТУРА	106
ПРИЛОЖЕНИЕ	108

Антонина Семеновна
КРИВОЩЕКОВА-ГАНТМАН

**ОТКУДА
ЭТИ НАЗВАНИЯ?**

Редактор В. В. Дикусар
Художник Е. И. Пестеров
Художественный редактор
М. В. Тарасова
Технический редактор
Т. В. Дольская
Корректор Г. А. Снягина

Сдано в набор
26/II-1973 г. Подписано в
печать 24. V. 1973 г.
Формат бумаги тип. № 2
84×108¹/₃₂. Бум. л. 1,75.
печ. л. 3,5 (усл.-прив.
л. 5,88), уч.-изд. л. 5,519.
ЛБ06870. Тираж 10 000
экз. Цена 17 коп. Зак.
427. Темплан 1973 г.
Изд. № 56. Пермское
книжное издательство.
614000, Пермь, ул. Карла
Маркса, 30. Книжная
типография № 2 управ-
ления издательств, по-
лиграфии и книжной
торговли, 614001, Пермь,
ул. Коммунистиче-
ская, 57.

Кривошекова-Гантман А. С.

К82 Откуда эти названия? Пермь, Кн. изд-во, 1973,
стр. 109. Цена 17 коп.

Научно-популярный рассказ о том, что собой представляют географические названия Прикамья и как они складывались. Это первая сводная работа по топонимии Пермской области.

К 0284—36—56—73
М 152 (03)—73